

Фантастические миры

Константин Калбазов

ВЕПРЬ

ФЕНИКС

Вепрь

Константин Калбазов

Вепрь. Феникс

«Автор»

2012

Калбазов К. Г.

Вепрь. Феникс / К. Г. Калбазов — «Автор», 2012 — (Вепрь)

ISBN 978-5-9922-1331-7

Он попал сюда против своей воли, но полюбил этот мир настолько, что и не помышлял о возвращении. Он обрел семью и уют домашнего очага. Он познал горечь потерь. Он стал лютым зверем. Теперь все, что у него есть, это ненависть. Но как жить, имея лишь такую мотивацию? Сможет ли он снова стать человеком? Все ли в нем умерло или любого зверя можно обуздать, если обрести цель в жизни? Можно ли, потеряв счастье, вновь его найти? Или отныне его участь это месть? Слишком много вопросов. Ему остается только довериться судьбе и не упустить шанс, если таковой выпадет на его пути.

ISBN 978-5-9922-1331-7

© Калбазов К. Г., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Константин Калбазов

Феникс

Глава 1

Неждана

– Эвон вишь – Вепрь, – вдруг донесся мальчишеский голос, полный страха и восхищения.

– Бреешь, – не веря и все же желая, чтобы это оказалось правдой, высказал сомнение другой мальчишка.

– Собака брешет. Говорю тебе: Вепрь и есть. Ишь страхолюда какой, враг его, как увидит, тут же обделается, а он его раз – и об колено.

– Я думал, он поболе.

– Да куда боле-то! И без того вон какой здоровый.

Вообще-то особой статью Добролюб не отличался. Да, был крепок. Высок. Но ничего особенного, хотя сила в теле такая, что многие диву даются. Не обидел Бог силушкой, чего уж там. Когда Добролюб слышал из уст окружающих ненавистное прозвище, данное гульдами, он обычно злился. Тому, кто осмеливался назвать его так, доставалось на орехи. Но на кого сейчас прикажете злиться? На ребяташек? Так они не в злобе это говорят, да и смотрят на него как на героя, не меньше. Правда, обидно такое услышать: «Ишь страхолюда какой».

А ведь было время, когда это страшное лицо было пригожим настолько, что девки глаз не сводили, томно вздыхая. Было, да прошло.

Этот мир не был его родиной, хотя тут уж и не скажешь однозначно. Во всяком случае, тело его принадлежало этой то ли реальности, то ли планете: кто знает, куда его занесло – в параллельный мир или на иную планету. Виктор Волков родился на Земле в двадцать первом веке, опережающем по развитию этот мир на несколько веков. Уровень здешней цивилизации напоминал позднее Средневековье той, родной для него Земли. Впрочем, это место для него стало таким же родным, хотя судьба обошлась с ним весьма сурово.

Так уж случилось, что, попав в автомобильную катастрофу, Виктор пришел в себя здесь и оказался при этом в чужом теле, принадлежавшем когда-то скomoroxу по имени Добролюб, которого привалило деревом. Из обрывочных воспоминаний он сделал вывод, что там, на родине, он погиб, уж слишком серьезным оказалось ДТП, в которое его угораздило попасть. Как так случилось, что душа прежнего владельца тела покинула свою обитель, а его, Волкова, нашла здесь пристанище, ему было невдомек. Но случилось то, что случилось.

В Брячиславии, жителем которой оказался Добролюб, Волков нашел себя. Ему нравилось жить среди этих людей и в этом времени, где все устроено более честно и открыто, а человек стоит ровно столько, сколько стоит его сущность. Хватало и подлости, и злобы, и зависти – обычное в общем-то дело, но все равно справедливости здесь куда больше, чем там, где он жил прежде. Да, здесь можно попасть в холопы и имеется правящий класс. Вот только бояре и дворяне, которые не стесняются подчеркивать свое высокое происхождение, избегают сидеть за одним столом с низшим сословием и откровенно выказывают неприязнь к простолюдинам, по сути, служат этим самым людям. Они не провозглашают пылких и зажигательных лозунгов о равенстве и братстве, они не задумываются о правах человека, мало того – четко указывают на полное бесправие определенных слоев населения. Они могут насмерть запороть своего холопа или убить чужого, отделавшись малой вирой, но при всем при этом они служат людям, даже распоследним холопам. Здесь высокородные не отсиживаются в теплых местечках, посылая

на смерть тысячи людей и наживаясь на их крови. Они сами идут в первых рядах на врага. Понятно, что всяких хватает, но это исключение, которое не стоит возводить в правило.

Виктор нашел здесь семью, нашел тех, кто стал для него по-настоящему дорог, хотя все его родные остались там, на оставленной им Земле. А потом в одночасье лишился практически всех, в том числе семьи, жены и дочурки.

Гульды, беспокойные соседи брячиславцев, истово ненавидели всех славен. Время от времени и с завидным упорством они приходили в славенские земли с войной. Именно им Добролюб и обязан своим уродством. Но не за попорченную красоту лютовал он на гульдов. Смерть близких своих никак простить не мог, которых заживо пожгли, а жену перед тем еще и попользовали. Сам он бился, сколько мог, троих срубил, да только и ему досталось. Он потерял сознание, и его посчитали мертвым. Пришел в себя, а подворья-то и нет. Из забытья его вывело горящее бревно раскатившегося сруба, которое и пожгло лицо. Как выжил, и сам не понял, а только когда оклемался, хотел одного... Крови.

За семью он посчитался. Посчитался так, что гульды сильно пожалели о том, что не добились его, когда он лежал посреди полыхающего постоянного двора. На его совести теперь – тысячи жизней ненавистного племени. Виктор не гнушался ничем – он травил, взрывал, жег, стрелял, резал, ни на минуту не задумываясь, прав он или нет. Под его горячую руку, направляемую холодным рассудком, попадали и взрослые, и старики, и дети, но он даже и на секунду не посчитал себя неправым. Что посеешь, то и пожнешь. Буквально омывшись в крови врагов, он все же нашел и непосредственных виновников гибели своих близких. Нашел и покарал. Когда это случилось, тиски, постоянно сжимавшие его грудь, слегка поослабли, а ненависть немного притупилась, вот только не сказать, что окончательно исчезла. Сегодня гульды снова пришли с войной на землю Брячиславии, снова готовы насиловать, убивать, грабить и жечь. Что ж, никто вас сюда не звал.

Виктор бросил последний взгляд на мальчишек, ухмыльнулся. Вот ведь, не хотел пугать, а мальцы с тихим вскриком порскнули с дороги, только пятки засверкали. Да уж, его улыбки сейчас волк испугается и хвост подожмет, что о детях-то говорить. Мысленно махнув на них рукой, он пошел дальше, все больше мрачней от того, что люди старались податься в стороны, дабы не оказаться у него на пути. Вроде и по привычке уже, но иной раз накатывало. Вот и сейчас как оглоблей огрели, даже дыхание сперло.

Люди его, как и ожидалось, находились на подворье. Даже сотники жили в сотницкой казарме, а вот у них – отдельное подворье. По здравому размышлению, воевода решил поселить эту братию обособленно. С одной стороны, отборные бойцы, снаряжения своего – видимо-невидимо, как и имущества. С другой – таких лучше держать в сторонке. Одного взгляда на эти разбойничьи рожи было достаточно, чтобы понять: добра от них не жди. Даже воевода для них не был авторитетом, лишь один человек мог отдавать им команды. Хотя они и считались людьми служилыми, командира своего никак не желали называть десятником – только атаманом и величали.

Во дворе его встретила старушка Любава. Знатная травница и лекарка, к ней люд со всей округи стекается, а она никому и не отказывает. Воевода хотел было возмутиться по поводу присутствия женщины среди военного люда, да потом махнул на все рукой. Вообще многое спускалось Добролюбю. Отчего Любава привязалась к этому человеку, никому было непонятно, но она определенно всегда старалась держаться к нему поближе. Может, оттого, что таким знахаркам время от времени достается от разъяренной толпы, когда ум за разум заходит, а в голове одна каша и хочется всю вину за свои горести свалить на чьи-либо плечи. Для такого дела знахарь подходит как нельзя лучше. Потом и пожалеют, и повинятся, а назад уже ничего не вернуть. А коли рядом с лекаркой приключится такой вот удалец... Нет, злобу лучше выместить на ком-нибудь другом.

– Чего, добрый молодец, голову повесил?

– Скажешь тоже «добрый».

– Добрый-добрый, чай, родичи знали, когда имечко-то давали. А то, что до крови сейчас охочий, дак исцеление твое близко. Скоро совсем появится человек, который жизнь твою перевернет и заставит по-иному на все взглянуть.

– Бабка Любава, ты бросай предрекать-то, – горько усмехнулся Добролюб. – Лекарка да травница ты знатная, на всем свете такой не сыщешь, а вот в будущее ты лучше не зри. Не твое это. Что до доброты, так тебе ведь неведомы мысли мои, а они совсем не добры.

– Дак на ворога идти, откуда тут добру-то быть.

– Бабушка, а есть у тебя травка...

– У меня всякой травки в избытке, и та, что отправить в мир иной может, тоже имеется, потому как если с умом применять, то и она на пользу. Но то не про твою честь, – ничуть не напуганная нахмуренными бровями собеседника, выговорила старушка.

Было дело. Однажды Виктор прокрался в палатки маркитантов и потравил бочки с пивом. Как раз намечался штурм крепости Обережная, в которой сейчас он служил командиром разведчиков, а тогда... Тогда он был простым трактирщиком, израненным и озлобленным, жаждавшим забрать как можно больше жизней гульдов в отместку за то, что совершили их соплеменники. От штурма гульдам пришлось отказаться, так как к утру выяснилось: отравлен целый полк, выжить никто не сумел.

– Бабушка, ты бы сначала выслушала, а потом в крик бросалась.

– Ну говори.

– Нужно колодец потравить в Тихом.

– А я что говорила! – тут же подбоченилась старуха, устремляя на Добролюба победный взгляд и являя собой воплощение неподатливости.

– То, что за смертоубийством к тебе лучше не соваться, я ведаю, потому и прошу тебя не о том, чтобы потравить гульдов насмерть, а о том, чтобы они животами маялись дня два.

– А пока они маются, из них вояки никакие... Ох и баламут!

– Как начнут животами маяться, так их командир пусть и принимает решение. Примет решение отступить – значит, все целы останутся, а пойдут дальше, понадеявшись на свой численный перевес, – ждет их беда, потому как хворый воин и не воин вовсе. Тогда воевода их легко согнет. Но вины твоей в том не будет, грех на их начальнике повиснет, ибо выбор у него имеется.

– Хитро. А ведь не по чести воинской.

– Ой, бабушка, и ты туда же.

– Ладно, чего уж там. Правда, придется известить чуть ли не половину всех запасов трав, намешаю такую бурду, что пронесет основательно. В Тихом два колодца... стало быть, два бурдюка готовить надо. Через пару дней и опасности никакой не останется, – явно успокаивая саму себя, подытожила она. – До полуночи-то время дашь?

– Можно подумать, у меня есть выбор.

Во двор вошла женщина с сильно округлившимся животом.

– Здравствуйте, бабушка Любава, – слегка поклонилась она.

– Чего тебе, Мила? – окидывая недобрый взглядом пришедшую, спросила старуха.

– Так на сносях я. Вот, думаю, как бы не того...

– Иди, Мила, не до тебя сейчас. Если ничего не приключится, то два дня у тебя еще есть.

Недоброе отношение к женщине, да еще и к той, которой вот-вот рожать, могло показаться по крайней мере странным, но ничего странного в поведении лекарки не было. Она-то чай тоже баба, а как порядочная женщина может относиться к гулящей? Срок придет – бабушка поможет, но только ее отношение к этой женщине не изменится. Конечно, гулящая гулящей рознь. Есть такая, что плоть свою тешит, но за дите любого удавит. А есть такая, которая до последней возможности о своей усладе думает, пока срок не приходит, а тогда мертвым

младенцем разрешается. Гнать бы такую из села, да и без нее никак. Мужикам-то нет-нет – пар спустить нужно. И женки их о том знают, но виду не подадут, будто ослепли и оглохли. А ведь в селе все на виду, да и в городах народу не больно-то много: среди четверых обязательно два знакома найдутся.

Дверь просторной избы распахнулась, и на крыльцо вышел парнишка лет шестнадцати. Ладный должен был получиться мужик, да вот несчастье приключилось с ним пару лет назад, привалило в бурю деревом. Бабка Любава выходила, но паренька перекосило, так что ни за соху встать, ни другим мужским делом заняться. Не желая быть нахлебником в родительском доме до конца своих дней, паренек прибил к ватаге Добролюба. Ватажники поначалу ворчали по поводу прихоти атамана, с воеводой и вовсе отдельно беседовать пришлось, но Добролюб начальство смог убедить, а бойцы и сами угомонились, когда вдруг выяснилось, что они и обстираны, и снедь готова, и в доме прибрано. Нашел себя парень, хоть и тяжело ему.

– Тихоня, скажи парням, чтобы спать ложились, а потом бабушке Любаве помоги.

– Знать, доброе дело будет, господин десятник? – Лишь он один из всей ватаги десятником его и величает.

– Доброе, я на другие и не способен, – хохотнув и вновь одарив свет своей неподражаемой улыбкой или оскалом, произнес Добролюб, известный окрест под именем Вепрь.

– Смеяна?! Отец Небесный, ты как здесь?.. – Боян стоял, лоя ртом воздух, словно только что пропустил сильнейший удар в душу.

Было с чего. Дочь воеводы Смеяна, законная супруга Бояна, разрешилась от бремени почитай на два месяца раньше срока. Но, слава богу, мальчик родился крепеньким и здоровым. Сейчас она должна была находиться в Звонграде, а вернее, на пути в столицу. Имелся такой обычай: первенца молодая рожала в отцовском доме, коли до него было не слишком далеко. Там под материнским доглядом она проводила и первые пару месяцев, там и крестили ребенка. Если такой возможности не было, матушка приезжала сама и жила все это время рядом с дочкой. Разумный обычай. Кто, как не родная мать, и подскажет, и поддержит, и ум-разуму научит. Свекрови-то они разные бывают. Но даже если в новой семье молодую на руках носят, ей, бедняжке, все равно несладко, ведь из отчего дома уходит в иную семью, со своим укладом, все для нее там непривычно и в новинку.

Вяткины проживали в Брячиславле, столице княжества. Рассудив, что отец будущего ребенка несет службу неподалеку от Звонграда, решили отправить молодку рожать в ее отчий дом. Там и Боян сможет их навещать, и молодую мать будет кому поддержать. Вот только когда стало ясно, что гульды готовы выступить в поход, муж написал Смеяне, чтобы она немедля выезжала к его родителям. Но у нее, видимо, помутился рассудок, коли вместо столицы она направилась напрямиком в пограничную крепость, когда война уже началась.

– Боянушка, любый мой, потом, все потом. Сама тебе вожжи принесу и спину под наказание подставлю, только сейчас погоди ругаться, – прижимая к себе младенца, скороговоркой проговорила молодая мать.

– Что стряслось? – Заместитель воеводы и гневаться позабыл, потому как вид жены встревожил его не на шутку.

– Захворал Ратиборушка. Сказывают, у вас тут бабка-кудесница проживает, даже с того света возвращает.

– Ты чем думала! – Это уж вспылит вышедший на крыльцо Градимир. Любил он дочку крепко, да только глупости потакать – последнее дело. – Его лечить нужно, а не в карете раскатывать.

– Отступились лекари! – уже навзрыд закричала Смеяна. И куда делся тот вечно улыбочивый и жизнерадостный лик? Слезы растеклись по красивому, но осунувшемуся лицу.

Вожжи там или строгий выговор, все потом. Кудесница бабка Любава или нет, это уже без разницы, не полкового же коновала призывать. Придется отправлять за бабкой, потом ждать,

пока она поглядит мальчика, пока сходит за тем, что потребно, а тут, может, счет на минуты идет. Градимир вообще редко когда терялся, вот и сейчас долго раздумывать не стал. Кто сказал, что родители больше него испугались? Чай, внук не чужой младенец.

– Живо в карету.

Оно и недалеко, но все равно быстрее, чем пешком. Боян, хоть и встревожен, а на подворье, занимаемое разведчиками, ступил, не скрывая своего неудовольствия. Будь его воля, то такую горячку нипочем не стал бы пороть. Но кто его станет слушать, уж не тесть – это точно.

– Что стряслось, воевода? – удивленно встретила их лекарка, которая возилась у большого чана, установленного над костром и исходящего паром, разнося окрест запахи, далекие от благовоний.

– Внук приболел, и тяжело.

– Несите за мной.

Сказав это, старуха указала обретавшемуся здесь молодому калеке на котел, приглядывай, мол, и довольно легко для своего древнего вида зашагала к дому. На крыльце появился Добролюб, недоумевая, что это приключилось, эвон целая делегация пожаловала, да еще и бабенка какая-то. Бабенка? СМЕЯНА?! Да что тут происходит-то? Как же, стали ему объяснять, только и успел, что посторониться. При входе – прихожка; из той – два хода: влево – это в помещения, занимаемые десятком, вправо – к бабушке Любаве, у нее только одна комната, но самая большая, хозяйство у травницы немалое.

Пропустив мать с дитем, бабушка захлопнула дверь перед самым носом Градимира: это он гарнизону голова во всем, а ей – не указ. Кто бы сомневался! Виктор только и успел услышать старческое категоричное «неча». Ага, бабушка в своем репертуаре, коли делом занята, так и великого князя не постесняется оставить за дверью. Спрашивать Волков ни о чем не стал. Незачем, и без того понятно, что беда с дитем. Хм. Выходит Смеяна уж родила. «Забудь, – сказал он себе. – Ты всегда знал, что она не для тебя».

Виктор отошел к Тихоне, который колдовал над взваром, готовившимся по особому рецепту лекарки. Вообще-то будь бабушка иного нрава, то приготовила бы такой отвар, что упокоил бы всех гульдов со стопроцентной гарантией. Самая знаменитая отравительница Мария Медичи и ее помощник алхимик в сравнении с ней – просто дети шкодливые, в этом он ничуть не сомневался. Вот только на смертоубийство она нипочем не пошла бы, характер у нее стальной.

Эх, жаль, не подумал сразу. Готовился к войне, готовился серьезно и вдумчиво, множество мудреных придумок воплотил в жизнь. Если их сейчас использовать в бою, то, вполне возможно, удастся разбить армию гульдов, правда, только в одном сражении, не так чтобы и много всего успели изготовить. А тут всего-то и надо, что потравить колодцы – и приходи кума любоваться, пейте люди добрые. Ну да, все мы крепки задним умом.

А это еще что? Нет, насчет мужиков-то понятно, а мамку-то почто выдворила на улицу? Видать, та оказалась больно сердобольной, а это только помеха, вот и разошлась лекарка. Смеяна с плачем припала к груди Бояна, все так же стоящего на крыльце. Тот ее нежно обнял и по стану поглаживает. От этой картины у Виктора аж дыхание сперло. Что это? Ревность? Э-э, парень, так нельзя. А ну-ка, пошел со двора, не то и до беды недалеко. Так, сам себя понукая, он вышел за калитку и направился к воротам от греха подальше. После того, что с ним случилось за последнее время, он очень сильно сомневался, что его не переclinит самым непредсказуемым образом.

Крепость сейчас похожа на растревоженный улей. Народу видимо-невидимо: мало того, что дополнительный полк стрельцов и весь посад за стенами, так еще и почитай со всех окрестных деревень собрались. Весть о том, что великий князь бит на границе и отошел к Кукше, уже всем известна, как известно и то, что два полка гульдов движутся к Обережной. Сам Виктор

о тех полках и поведал, вернувшись из разведки. Его парни сейчас отсыпались: почти двое суток в седле провели.

Вообще сейчас и Кукшинский, и Звонградский уезды стояли на ушах. Те, кто поосмотрительнее, бросали дома, собирали скарб, живность и уходили целыми селениями в леса, проклиная на все лады и Карлу, и его племя. Да и по князюшке не забывали пройтись, а то как же – не оборонил. Оставаться дома, когда такое творится, никому не хотелось. Даже свои славены, коли налетят, то разор учинят и надругаться не постесняются, что уж говорить о гульдах, эти вообще жалости не ведают.

На этот раз на постоялом дворе, принадлежащем Виктору, дело было поставлено куда лучше. Все имущество вывезено, станки разобраны и также надежно упрятаны, обильно смазанные салом, чтобы никакая ржа не добралась. Богдану Орехину особо развернуться не получилось, на инструменте удалось заработать только три тысячи. По местным меркам, это огромные деньги (если лошаденку крестьянскую можно и за пять рублей сторговать!), просто можно было получить и гораздо больше. Тем не менее, даже с учетом больших расходов на подготовку к встрече с врагом, в кубышке у Виктора имелось пять тысяч рублей.

Он был прямо-таки богатеем и вполне имел возможность развернуть мануфактуру по производству инструмента по нарезке резьбы. Здесь лерки и метчики, обычные в мире Волкова, могут произвести революцию, а используемым станкам, изготовленным по разработке Виктора, вообще аналогов нет. Вот только закралось к нему в душу сомнение. А позволят ли ему так запросто владеть столь прибыльным производством? Ведь если развернуть хотя бы те станки, что у него уже имелись, он мог получать прибыль минимум две тысячи рублей в месяц, а то и больше. А там, где замешаны деньги... Местный полковой воевода Смолин благоволил Добролюбу, но кто знает, как далеко его благодетельство простирается.

Лиса Отряхина, звонградского купца, через которого шла реализация готовой продукции, мастера чуть не за грудки тягали, требуя продать чудо-инструмент, но тому предложить пока было нечего. Он только и мог, что разводить руками, ссылаясь на беспокойные времена и на то, что изготовитель отчего-то перестал торговать с ним. Всем было невдомек, что производят тот товар на территории Брячиславии.

Виктор подумывал обосноваться в долине, где ему удалось накрыть банду разбойников, но по здравому размышлению решил все же проверить, как там и что. Выводы оказались не в пользу местечка. Ветра там если и дули, то лишь изредка. Обычно стояло полное безветрие, а если ветер и поднимался, то особой силой не отличался. Долина надежно укрыта скалами, становившимися непреступной стеной на пути воздушных потоков. Река полностью перемерзала, несмотря на быстрый бег, может, чуть позже, чем реки со спокойным течением, но ненадолго, чтобы это имело решающее значение. А коли привода для станков надежного не будет, то какой смысл городить огород? Ты поди еще все протащи в тот узкий проем да сквозь труднопроходимый лес.

Конечно, можно было обосноваться и там, благо прибыль обещала перекрыть все время вынужденного безделья с лихвой, но Виктор всерьез подумывал о том, чтобы перебраться в Новый Свет. Да, там опасно, но та опасность явная, когда все ясно: вот ты – а вот твой враг, здесь свои – там чужие. До Бога высоко, до царя, то есть до великого князя, далеко, так что можно будет крепко устроиться, да и представители власти там будут посговорчивее, ведь кругом только те, кто готов их сожрать.

– А-а-а!!!

– Убилась!!!

– Лекарку!!! Лекарку зовите!!!

Истеричные женские крики разом вывели Виктора из задумчивости. Бабье племя любит голосить по поводу и без такового, но по интонации можно легко угадать, когда они голосят на публику, чтобы привлечь внимание окружающих, мол, поглядите люди добрые, что дается,

когда от горя, а когда просто за компанию, чтобы поддержать товарку. Но этот крик однозначно указывал на то, что случилась нешуточная беда. Волков еще не успел задуматься над вопросом, что же такое могло приключиться, как уже бросился на крики. Не отдавая себе отчета, он выхватил пистолит, словно готовился отразить нападение. Время военное, все помыслы об этом, так что его реакцию понять можно. Но вскоре он увидел, что, хотя беда и приключилась, оружие здесь было лишним.

Толпа расступилась перед ним, словно заросли камышей, которые вроде растут плотно, но противостоять прущему напролом человеку не могут. Люди сами начинали подаваться в стороны, едва заметили, кто именно пробирается сквозь плотные ряды. Когда Виктор оказался в центре скопления людей, то увидел двух баб, склонившихся над телом женщины. Именно эти бабы и зывали о помощи. Быстрого взгляда оказалось достаточно, чтобы узнать в несчастной, что распласталась на земле возле крепостной стены, давешнюю разбитную бабенку Милу, которая была на сносях и коей бабка Любава прочила еще пару дней до родов.

– Что тут стряслось? – присаживаясь на колено и пытаясь нащупать живчик на шее, угрюмо бросил Виктор.

Опешившие бабы тут же позабыли голосить. Исподлбья глядя на страшилище, пристроившееся рядом, одна из них ответила:

– На стене она помогала, оступилась – и вниз головой.

– Головой приложилась?

– Ага.

Не нащупав пульса, Виктор взял покойницу за подбородок, и голова как-то подозрительно легко качнулась в сторону. Похоже, шею сломала. Он взял руку и попробовал нащупать пульс на запястье. Тоже ноль. Положил руку на грудь. Вроде тоже ничего. А хотя... Что-то так слабенько трепещет... Нет, не там, где он пытался почувствовать сердцебиение, но он явно что-то почувствовал. Показалось? Нет, вот опять. Сам не зная отчего, еще не осознав своих действий, он положил ладонь на вздымающийся живот мертвой женщины. Вот оно. Когда Голуба ходила тяжелой, он не раз и не два прикладывался к ее животу, чтобы почувствовать толчки беспокойной Нежданы. Ни с чем иным он не мог это спутать.

Времени на раздумья нет. Впрочем, вполне возможно, что и есть, откуда ему-то знать? Он чай не лекарь и не повитуха. Единственное, в чем Виктор твердо уверен, эта женщина мертва.

– Вот что. Пошли отсюда все, – приказал он зевакам.

Но толпа и не думала расступаться. Тогда Волков поднялся на ноги и, обведя всех тяжелым взглядом, рыкнул:

– Кому сказал пошли прочь!

А вот этого оказалось достаточным. Связываться с этим сумасшедшим, слившим целые реки крови, никто не пожелал. Буквально несколько секунд – и рядом не осталось никого. Нет, толпа его не остановила бы, но то, что он собирался сделать, со стороны могло показаться настолько диким, что, вполне возможно, какая-нибудь баба попыталась бы ему помешать. А тогда могло случиться все, что угодно. Опустившись опять над трупом, Волков выхватил боевой нож и разом вспорол платье и нижнюю рубаху. После этого, мысленно перекрестившись, рассек плоть...

– Ты, сынок, на молодку не серчай. – При этих словах молодой боярич даже скривился. Еще бы, такое вольное обращение. Но бабка Любава словно и не видела ничего. – Если бы еще денек протянула, то потеряли бы вы мальчика. Как есть потеряли бы.

– Так теперь все в порядке? – крепко прижав к себе младенца, с надеждой спросила Смеяна.

– Будет в порядке, – убежденно поправила ее старуха. – Поживешь в крепости, полечим твоего Ратиборушку. Выправится, никуда не денется, будет еще вас радовать и докучать своими шалостями.

– Думаешь ли, о чем говоришь, старая! – вскинулся Боян.

Вот ведь какой. Его дитя с того света тянут, а он...

– Боян! – не выдержал Градимир. Понятно, что статус ее намного ниже, но ведь услугу неоценимую оказала. Опять же – возраст уважения требует. – Я тебе не отец, но не думаю, что тому тебя батюшка твой учил. А ты, бабушка, нешто не ведаешь, что творится окрест? Может, вместе со Смеяной в Звонград поедете?

– За заступничество благодарствую, да только мне никуда ехать не нужно. Я все мамке обскажу, настои и травки дам, сама управится. Только изредка навещать буду, глянуть, что да как. А вот мальцу ходу отсюда нет. Не перенесет он пути. В доме, в тепле и уюте ему надлежит быть. Поэтому хоть земля разверзнется, а в дорогу ему никак нельзя. Смерть это верная... Ох, Отец Небесный! Нешто натворил чего, горячая головушка?!

Градмир и Боян недоумевающе переглянулись – уж слишком резкая перемена произошла с бабкой. Но в следующее мгновение сообразили, что смотрит она вовсе не на них, а куда-то им за спину. Мужчины обернулись. Туда же взглянула и Смеяна, все так же прижимая к груди притихшего младенца. К подворью со всех ног бежал Добролюб, с окровавленными лицом и руками, сжимая скинутый с плеч кафтан. Бежал так, словно за ним сто чертей гонятся и вот-вот нагонят.

– Бабушка! Неждана!

– Чего голосишь? Натворил чего?

– Неждана, – протягивая ей свернутый кафтан, тоже в крови, произнес мужчина.

И вот ведь странность: лик страшен настолько, что кажется, иного выражения, кроме свирепости, на нем и быть не может, но вот читаются на лице и страх, и растерянность, и тревога, и еще бог весть что.

– Мила?

– Со стены упала, насмерть расшиблась.

– Ох, Отец Небесный!

Никто еще толком ничего не понял, а бабка уж выхватила из его рук кафтан, как-то подозрительно пискнувший, и стремглав унеслась в дом. Добролюб – за ней. Ага, размечтался! Дверь прямо перед носом захлопнулась, только и услышал:

– Тут побудь.

Что ж, делать нечего. Остался в прихожей, переминаясь с ноги на ногу. Через пару минут бабка вновь появилась на крыльце и глянула на Смеяну:

– Мальца-то грудью кормишь?

– Кормлю, – растерянно ответила та.

– А ну подь сюды.

Вот расскажи кому, не поверят! Старуха из народа отдает приказания боярской дочке. Но никто даже и не подумал возражать властным распоряжениям лекарки, а молодая мать покорно проследовала в дом, все так же прижимая к себе дитя. Когда она вошла в уже знакомую комнату, то увидела, что на столе лежит туго спеленутый младенец, уже начавший хныкать. По опыту Смеяна знала: вот еще чуть – и округа огласится громким, требовательным плачем. Бабка указала на стол, где лежал младенец, и снова распорядилась не допускающим возражений тоном:

– Покормить нужно. Давай сынка поддержи.

Боярская кровь есть боярская кровь. И тому, в чьих жилах она течет, не занимать гордости, гонору и спеси. Смеяна всегда знала, какое положение в обществе она занимает, и цену тому положению тоже знала. Вот только материнское чувство особенное. Стоит молодой

матери увидеть беспомощное дитя, как разум тут же замолкает, уступая место сердцу. Смеяна, ни на мгновение не задумавшись, согласно кивнула, сунула Ратибора в руки старухе, а сама взяла кулечек и выпростала грудь.

– Ох!

– Что, милая? – участливо спросила старуха.

– Ну и хватка у него.

– У нее. Девка. А что хватка крепкая, так чего удивляться? Кровь – она не водица. А ты чего же сама кормишь? Никак мамку сыскать не смогли? – недоверчиво поинтересовалась Любава.

– Отчего же. Есть мамка, в воеводском доме осталась. Только моя матушка рассказывает, что дите непременно должно материнским молоком вскармливаться, в нем сила. Вот коли моего не достает, то кормилица подкармливает.

– Мудра твоя матушка, – кивнула старуха и неожиданно добавила: – От ить беда. Как быть, даже не знаю.

– Что стряслось-то?

– Да по всему видать, мать ее преставилась. Не знаю, как там вышло, но догадку имею, что расшиблась она насмерть, а Добролюб, аспид наш местный, развалил ей уж мертвой живот и вытащил дитя.

– Это как же так-то?!

Что это? Никак страх в глазах мелькнул? Впрочем, что тут удивительного – такие страсти рассказывают.

– А вот так. Если поспеть вовремя, то дитя спасти можно. Он поспел, – пояснила травница.

Теперь в глазах молодой матери читалось восхищение: не каждому дано отважиться на такой поступок, на который решился Добролюб.

– Эвон и пуповину обрезал как зря. Но, видно, Отец Небесный любит его и длань над ним свою распростер. А как теперь быть, и не знаю. Нет среди местных баб кормящих матерей. Не упомяну, чтобы такое было: прорва народу – и ни одной с грудничком.

– Так беда-то в чем? Чай, коровки не перевелись. Понятно, что сейчас молока взять неоткуда, но в крепости коров много, сама видела.

– Это так, да только слаба еще девка, ей хоть недельку материнское потребно. Ну да Отец Небесный не оставит. Коли направил туда Добролюба, – а иной вряд ли решился бы, – глядишь, еще разок Неждане поможет.

– Неждане? – переспросила Смеяна.

– Разве не слышала, как он ее величал? Видно, дочурку покойную в ней узрел. Теперь никому не уступит, себе заберет, оно и по праву.

– Как так?

– Дак его это дочка, потому и прежнюю Неждану в ней сразу узрел. Кровь, она сильнее любых уз будет.

– Бабушка, нам ить все едино тут оставаться, так давайте мы к себе ее пока заберем. Мамка-то своего младенчика дома оставила, у родственницы, а как покормит Ратиборушку, так и сцезивает, чтобы не перегорело молоко, так что беды в том не будет.

– Ох-ох-ох, доченька. Тут и без того не ведаю, как быть. Натворила старая головушка, совсем уж ума лишилась.

– Что случилось-то?

– Да случилось, красота ты моя ненаглядная. Ить какое дело, ребеночек этот не от честной мамки, а от гулящей.

При этих словах Смеяна непроизвольно дернулась, отчего Неждана выпустила грудь и тут же потешно зашевелила губами, стараясь вновь ее выискать. Старуха только виновато улыбну-

лась и собралась уже поменять детей, дабы вернуть матери законного отпрыска и забрать незаконнорожденную. Однако боярышня удивила ее. Слегка отвернувшись, словно желая сказать, мол, не трогай, поправила грудь – и девчушка тут же вцепилась в сосок, вырвав у кормилицы очередной непроизвольный вздох и улыбку.

– Грехи лежат на родителях, – внимательно глядя на младенца, убежденно проговорила она. – В детях нет греха, они чисты и замараться о них нельзя. Так матушка сказывала.

– А как же Боян?

– Было дело, что род наш едва не пресекался и вновь возродился стараниями простого люда, спасшего моего прадеда в младенчестве. Дети боярские молоком холопским вскармливаются. А как иначе, так и нельзя?

– Это иное.

– Поймет, – убежденно тряхнула Смеяна головой, уверенная в своей правоте и в своем любимом муже.

Тем временем, наскоро ополоснувшись, Виктор отправился заниматься похоронами Милы, которая все так же лежала у стены, прикрытая остатками платья и платком. Когда он пришел, то обнаружил, что крестьяне не оставили тело без догляда: ее уже успели обмыть, а рядом двое мужиков наскоро ладили гроб из грубо отесанных досок. Люди встретили его настороженными взглядами, осеняя себя косым крестом. Однако когда узнали, что с девочкой вроде как порядок и о ней справляет заботу старая лекарка, немного поостыли, а если косились на Добролюба, то это уж по старой привычке. К детям отношение здесь было особым: человек, который, ничего не убоившись, спас ребенка, заслуживал уважения. Вот кабы не уберег малютку... А раз так, то...

Время горячее, поэтому с похоронами затягивать никто не стал. Снесли покойницу в церковь, где батюшка ее отпел, а потом – на погост. Виктор не скупясь заплатил всем за старания и помощь. Были и те, кто отказался, но нашлись и те, кто оплату принял. Одним словом, все вышло по-людски. Обошлись без поминального обеда, но Волков всем присутствующим раздал монеты, чтобы помянули покойницу, и тут уж от денег никто отказываться не стал, потому как помянуть – дело святое.

Глава 2

Лишенный выбора

В путь, как и планировалось, Виктор и его помощники выдвинулись около полуночи, как только взвар был готов. Зелье должно было войти в силу, когда полностью остынет, но времени для этого имелось предостаточно. Конечно, у бабушки выдался тот еще денек, но дело она сделала. В основном за процессом приготовления следил Тихоня, но лекарка заверила, что все в порядке и варево удалось. Виктор отправил Соболя в лесной стан, где базировался десяток Горазда, еще засветло, едва управившись с похоронами. Волков не хотел полагаться лишь на возможность устроить драгунским полкам искусственную дизентерию. Мало ли как оно обернется. Допускать гульдов к крепости он теперь не желал ни под каким предлогом. И не только приказ Градимира стал тому причиной.

Поначалу намеревались просто потравить колодцы: попадутся на удочку – хорошо, а нет – тогда подпустить их к крепости, устроив по пути кровавую баню с помощью имеющегося под рукой снаряжения. Не сказать, что у него достаточно средств: все же много он взять с собой не мог, потому как сложно сохранить все это в тайне. Однако в наличии кое-что имелось: десяток одноразовых картечниц, по десятку надствольных и по шесть ручных гранат на каждого.

Люди вооружены нарезными карабинами и имеют опыт их использования с расстояния шестьсот шагов. Так что мало гульдам точно не показалось бы. А когда враги расположились бы лагерем напротив Обережной, он планировал и дальше портить им кровь, для чего собирался привлечь второй десяток людей и остальные средства, остававшиеся в тайном стане, где сейчас находились все обитатели постоянного двора. С самим-то подворьем он уже заранее простился. Но это ерунда, главное – его люди.

За Градимира и полки, что выдвинутся навстречу противнику, он не переживал. Во-первых, он сразу предупредил воеводу: если вдруг не будет от него посланника, тот должен будет отойти к крепости. Во-вторых, своими действиями он намеревался отсрочить подход врага к Обережной на сутки. До вечера он с парнями кружил бы коршуном над противниками, а к ночи те и сами остановились бы. А там и еще один переход.

Вот только все эти планы пошли псу под хвост. Поначалу в крепости появилась Смеяна. Она вновь заставила учащенно биться сердце Виктора, хотя давно уже мужняя жена и успела стать матерью. Потом Неждана. Что творилось у него в душе, когда он взял в руки младенца, он не смог бы объяснить, даже если бы от этого зависела его жизнь. Словно кто-то переключил какой-то неведомый тумблер: вот был один человек, а вот уж – совсем иной. Нет, в нем не проснулся человеколюбец. Он по-прежнему готов был сражаться с врагом, вторгшимся на землю, ставшую для него родной, но это уже не было самоцелью. Буквально в момент он обрел новый смысл жизни, которым стал маленький комочек, зашедшийся плачем в его руках. Наверное, это было наваждение, но Виктор словно наяву увидел перед собой погибшую Неждану. Сколько он ни тряс головой, наваждение не пропадало.

Виктор хотел вывезти малышку в лесной стан и передать в заботливые руки Беяны. Он верил, что все обойдется, тем паче что и бабушку намеривался отправить туда же, как бы она ни брыкалась. Никого из дорогих его сердцу людей оставлять здесь он не собирает, потому как если не удастся сдержать натиск гульдов, падение крепости лишь вопрос времени, а штурм будет кровавым, сомнений в том не было. Потом выяснилось, что Смеяна не может покинуть крепость: ее мальчика ни в коем случае нельзя перевозить в карете. А там и Неждана вдруг оказалась у нее на руках.

Оставить Смеяну в таком опасном месте он не мог. Неждану под самым благовидным предлогом Виктору не отдал воевода. Не было в его словах угрозы, была лишь забота о ребенке,

сиротинушке неприкаянной. Ничего не поделаешь, воевода тут закон, а в условиях войны и подавно. Ему и определять, кому удочерять малютку. Вроде все по правилам, но власти обычно в подобные дела не вмешиваются, если только какие-нибудь семьи не подерутся, кому брать заботу о ребенке. Не знали в этом мире приютов, их тут просто не существовало. Осиротевшего ребенка, у которого нет никакой иной родни, брали на воспитание чужие люди, даже если достаток в семье был более чем скромный.

Умен все же Градимир. Как он четко сумел уловить настроение Виктора и упредить его действия. Волкову поначалу и невдомек было, что основную роль в таком развитии событий сыграл не воевода, а Смеяна. У молодой женщины появилось подспудное желание оставить девочку при себе, и то, кем была мать малютки, ее ничуть не смущало. Боян и слышать не желал о том, чтобы его сын и плод гулящей бабы были вскормлены одной грудью, при этом он подразумевал даже не свою жену, а кормилицу. Смеяна стояла на своем твердо, прижимая к себе двоих детей, заливаясь слезами и приговаривая:

– Вот выправят девочку материнским молоком, а потом уж можно будет ее и отдать. Ить нету здесь кормящих! На сносях бабы есть, а с грудничками – нет.

Попробуй повоюй с бабой, в которой мать заговорила. Этот голос никакими вожжами не заставишь замолчать. Бывали случаи, когда молодка с младенцем быстренько забежит в дом к соседке, попросит присмотреть за дитем, чтобы ненароком не зашиб разбушевавшийся муж, а сама шмыг обратно в дом, под мужние крепкие кулаки. И бьют ее смертным боем, и благим матом кричит она от боли, и пощады просит, и старается как-нибудь успокоить разошедшегося мужика, а душа ее спокойна, потому как дите пристроено под доглядом товарки.

Пока Смеяна препиралась с мужем, Градимир отошел в сторонку. Смеяна, конечно, любимая дочка, но чай уж замужем в иной семье, где свой уклад, не следует туда влезать. Он подошел к бабушке да задал пару вопросов: вроде как и заботу о малютке проявил, но вызнал у бесхитростной лекарки все, что нужно. Узнал достаточно, чтобы понять: Неждана сейчас крепче всякой цепи привяжет Добролюба к крепости и заставит превзойти самого себя. Ни на минуту воевода не забывал о том, что обязан исполнить повеление великого князя, хоть на пупе извернувшись.

Вернулся к Бояну и попросил закончить начатый разговор в доме. Мол, нечего Ратибора хворого на улице держать да разговоры разговаривать при всем честном народе. Смеяну с детьми посадили в карету, а Градимир с зятем пошли пешком. О чем они разговаривали, Виктору уж было неведомо, так как о произошедшем он узнал от бабушки Любавы, но догадаться мог, потому как ненавидящий его Боян отчего-то сменил гнев на милость и позволил Смеяне оставить на время девочку у себя.

– Что, Вепрюшка, екнуло сердечко? – пытливо посмотрела на него Любава.

– Не то слово, бабушка, словно в тиски угодило.

– Иначе и быть не может.

– Отчего же?

– Так твоя дочка, касатик. Ты не гляди на меня, как на умалишенную, уж кто-кто, а я знаю, что говорю. Я твою Неждану не видела, но уверена, что они на одно лицо.

Это как же так-то? Ведь за все время он только раз и позволил себе. Не было больше желания, лишь однажды ходил к Миле, когда вернулся из Звонграда, после свадьбы Смеяны – его первой, настоящей, безответной и безнадежной любви. В него тогда словно бес вселился, а потом ничего, отпустило. Но права бабка, у прежней Нежданы и нынешней – одно лицо.

После разговора с лекаркой он бросился в воеводский дом, дабы забрать ребенка, но получил отказ. Мол, недосуг тем делом заниматься, сиротка под доглядом, так чего о том разговаривать? Нужно думать, как ворога бить. Понимал Виктор воеводу. Не одобрял его действий, ярился, камень за пазухой тяжкий заимел, но понимал. А еще понял, что не простит ему этого. Мелькнуло было желание силой забрать Неждану, да та мысль сразу погасла. И отнюдь

не полсотни оружных стрельцов, отчего-то рядом с воеводским домом оказавшихся, его остановили. Ну заберет он Неждану, и что дальше? Как быть со Смеяной? Разорвать себе сердце надвое? Не было у него иного выхода, кроме как не допустить врага к крепости.

Виктор и его помощники прибыли в Тихое ближе к полудню. В селе все еще оставалась часть мужиков, тешивших себя надеждой, что беда их все же минует и враг пройдет стороной. Наивное желание, если учесть тот факт, что вдоль Турани только одна дорога до Обережной и иного пути у гульдских полков быть не может. Пришлось доходчиво разъяснять ситуацию и уговаривать, чтобы не маялись дурью, а попрощались с домами (потому как их все равно пожгут) да уходили в леса к своим близким. Местные, чего доброго, могут бучу учинить, потом мучайся с ними, успокаивай да отгоняй. Рассуждать будут примерно так: «Вот потравят колодцы, а как потом из них воду пить? А ну как гульды потравятся – тогда лютовать начнут и дома точно пожгут». Можно подумать, когда-нибудь иначе было, но попробуй объясни это крестьянам, которые до последнего надеются на лучшую долю и на благосклонность Авося. Выпроводив селян, приступили к работе с колодцами.

– А ну как не станут гульды на постой в Тихом?

– Куда они денутся! Зачем становиться в чистом поле, коли вот она, деревня, нетронутая и обжитая. Так что, Кот, не сомневайся, встанут. Ночи еще прохладные, уж офицеры не откажутся расположиться в домах, – убежденно проговорил Виктор.

Парень только пожал плечами. Быстро пристроив на срубке бурдюк, он вынул затычку, а потом придавил сверху, чтобы побыстрее опорожнить его. Тугая струя тут же зажурчала, падая в колодец.

Передовой разъезд драгун появился уж ближе к вечеру. Очевидно, гульды были уверены, что если гарнизон Обережной и выйдет им навстречу, то не станет отходить слишком далеко от крепости. Буквально через час начали стягиваться и остальные части. Первый полк прошел село насквозь и встал лагерем перед небольшой речушкой, впадающей в Турань. Не меньше двух рот переправились на другой берег, где также стали лагерем. У моста по обоим берегам реки выставили караул.

Речушка-то вроде и небольшая, но глубокая, с ходу не переправишься. Находишь село поближе к крепости, Градимиру достаточно было бы встать на ее берегу, и пути тем полкам дальше не было бы. Но при этом противник мог подогнать речные суда и куда быстрее сплавиться по Турани до Обережной. А сколько в том гарнизоне людей оставалось бы? Вот то-то и оно, потеряли бы крепость. Начни воевода отступление – и на его загривке повисли бы гульды. Не было гарнизону сюда ходу, слишком далеко, оттого и не рассматривался этот вариант.

В самом селе остались только драгуны, артиллерия и повозки с припасами. Как и ожидал Виктор, в домах устроились на постой офицеры. Второй полк в село входить не стал, разбил лагерь перед ним. Похоже, с переправой не торопились. Сомнений в том, что славены не решатся на атаку вдаль от Обережной, у командира не возникло. Но на всякий случай он все же решил перестраховаться и иметь рубеж в виде реки, дабы избежать внезапного нападения. Двух рот в качестве заслона на том берегу, если кто решит устроить налет и поджечь мост, вполне достаточно.

Вот солдаты начали разводиться костры да устанавливать треноги: пора уже озаботиться ужином, ведь целый день на марше – не шутки шутить. Виктор поначалу удивился, отчего это противник не задействовал речные суда, как в прошлую кампанию, но потом пришел к выводу, что скорее всего суда сейчас заняты обслуживанием основной армии, а этому корпусу вменялось всего лишь взять под контроль тракт. Гульды были уверены, что никто не станет отправлять помощь осажденным. Оно и понятно: какая помощь, коли сейчас думы все о другом.

Сведения, доставленные Виктором, еще до конца зимы получили свое подтверждение из других источников, и великий князь приступил к подготовке. За зиму в пограничные крепости завезли припасы, пополнили арсеналы оружием, так чтобы их коменданты могли вооружить большее число ополченцев. Вот только подкрепление направили лишь в Обережную, имеющую наибольшее стратегическое значение.

Едва снег стаял и земля просохла, двинулись к границе и полки. Великий князь решил дать бой гульдам и вывел к Турани семидесятитысячную армию. Гульдов оказалось меньше на десять тысяч, но это не помешало им переправиться, причем в самые сжатые сроки, и подготовиться к встрече славенского войска. Там, у Турани, и произошло сражение, которое Миролюб вчистую проиграл Карлу, несмотря на превосходство и в людях, и в пушках. В этом бою в высшей степени проявили себя полки нового строя под командованием иноземных офицеров, которые служили за славенское золото, и нужно признать – служили исправно. Но те полки не составляли и трети от общего числа.

Карлу удалось опрокинуть стрельцов на левом фланге и обратить противника в бегство. Вот тут-то и проявили себя новые части. Мало того что они неприступной стеной стояли в центре, так еще и приняли на себя основной напор ринувшихся в наступление гульдов. Ведя арьергардные бои, отбивая одну атаку за другой, истекая кровью, они сумели сбить наступательный порыв противника, отступить в полном порядке и предотвратить избиение армии. Именно благодаря им кампания не закончилась, едва начавшись. Армия брячиславцев отошла в полном расстройстве, но не была разбита окончательно.

Гульдам тоже изрядно досталось в том сражении, поэтому две армии сейчас стояли лагерем друг против друга и зализывали раны. Обе стороны спешно готовились к новому сражению. Вот и выходило, что если подкрепления и будут отправлены, то к Кукше, где сейчас находился Миролюб, но никак не к Обережной. Насколько знает Виктор, гульды даже не стали брать пограничные крепости, хотя те сделаны из дерева и огненному бою долго противиться не смогли бы. Вместо этого к Ладе и Забаве отправили по одному полку, чтобы держать их под контролем, – это Карлу куда более выгодно, чем ослаблять свои силы в штурмах крепостей, не имеющих особого значения. Вот если бы разгром был полным, тогда дело иное, а в данной ситуации лучше не торопить события.

Хм... а это еще что за новости? Вон же колодцы со столь желанной водой, холодной и чистой. Так куда же вас черти несут?! Выходит, зря бабушка извела припасы трав. Не удалась ловушка, не попались гульды. Вот ведь напасть! Солдаты, вооружившись различными емкостями, направлялись к речушкам, ручьям, к самой Турани, но никак не к колодцам, подготовленным для встречи дорогих гостей. Видно, из прошлого опыта сделали правильные выводы и готовы проделать лишний путь и использовать воду чуть погрязнее, нежели проверять, решатся ли брячиславцы потравить свои колодцы или нет.

Виктор наблюдал за селом через подзорную трубу, а потому все мог разглядеть в деталях. Качество панорамы так себе, по центру вполне приличное приближение и приемлемая видимость, по краям все расплывается, но зато устройство стоит безумных денег. Волков очень сильно сомневался, стоит ли вываливать огромную сумму за некачественный товар, но его уверяли, будто качество самое что ни на есть высшее. Впрочем, может, так оно и было: поди изготвь в нынешних условиях хорошие линзы.

– Никак зря старались? – в сердцах посетовал находящийся рядом Зван. У него подзорной трубы нет, но тут и невооруженным взглядом видно, что суеты у колодцев, обычной в подобных случаях, нет и в помине.

– Выходит, что зря, – столь же разочарованно крикнул Виктор.

Значит, не по нраву вам колодезная вода. Что ж, видит бог, он хотел обойтись малым. А раз так, то придется действовать иначе. Вот только нужно все доподлинно рассмотреть, что там у них да как, чтобы впотьмах чего не напутать. В том случае, если гульды не попадутся

на крючок, он собирался доставить беспокойство врагам, пустить им кровь, но без особого риска для себя и своих людей. Но то было раньше. Сейчас ситуация поменялась в корне. Не мог он позволить противнику дойти до крепости. Даже голову готов был свою положить, лишь бы заставить их повернуть восвояси.

– Что делать-то будем, атаман? – когда они вернулись к остальным, задал интересующий всех вопрос Зван.

– Вы отправитесь к месту встречи с Гораздом и приведете отряд на определенную мною позицию. С рассветом, когда гульды начнут готовиться к выступлению, взорвете мост, обстреляете их из минометов и закидывайте гранатами. Как с этим делом покончите, отходите. Найдете удобное место, снова устройте засаду и повторите. Когда выйдут все сюрпризы, уйдете в леса и станете досаждать ворогу по мере сил и возможностей, ну а коли не захотите, то и винить мне вас не в чем. Зван, передашь Горазду, что я велел указать, где малая казна. Там побольше вашей доли будет, так что обмана с моей стороны нет.

– Ты никак прощаешься с нами, атаман? Что удумал-то? – внимательно посмотрев на Виктора, спросил Зван. Действительно, все выглядело так, словно их вожак свою последнюю волю высказывает.

– Не знаю, сумею ли воротиться. Однажды такое уж проделал, но случится ли то везение вдругорядь, бог весть. На тех повозках, что в центре села, все: и продовольствие, и боевые припасы, эвон и пушки там же. Хочу прокрасться да подпалить огневой запас. Коли полыхнет, то гульдам почитай и воевать не с чем будет. Опять же многие командиры в домах расположились, может, удастся и их приголубить тем взрывом. Не всех, но скольких зацепит.

– А отчего сам-то? – Это Куница не выдержал. Оно и понятно: в отсутствии Соболя он – первый разведчик. Задело, видать.

– Потому как все село гульдами кишит. Потому как мне есть за что так рисковать. У вас такой причины нет.

– Ты нормально-то сказывать можешь? – вновь не выдержал Зван.

– Дите, что я вынул из чрева Милы... Это моя дочка. Неждана.

– Ой ли? – усомнился Куница. – Мила, она разбитная бабенка была, да и ты всего разок к ней и хаживал.

– Говорю, моя дочка. Когда на руки взял, сразу в ней Неждану признал. Опять же бабушка сказывала, а она в этом толк знает. Хотел было вывезти ее из крепости в лесной стан к Беляне, да воевода сиротку под свое крыло взял, обещал опосля пристроить, а покуда в его доме есть кормилица, они и присмотрят. А и то, кто я ей по закону?

История Виктора была известна всем. А потому никто не удивился, узнав, на что он готов ради дочери. Да что там дочь! Было дело, он ради них, людей, по сути, чужих ему, не колеблясь пошел на плаху. Обошлось, слава Отцу Небесному, но никто же не знал заранее, чем все обернется.

– А ведь сказывал я тебе, атаман. Воевода, тот благоволит тебе, но думки завсегда свои имеет, – вздохнул Зван. – Что же ты нам раньше не сказал, что там дочка твоя? Выкрали бы. Да и сейчас все еще можно сделать, тем паче что в крепости гарнизон нынче не тот. А, атаман? Все ладно сделаем. А когда гульды к Обережной подступят, то и кровь гадам пустим, в сторонке отсиживаться не станем, присягу исполним. Все будет по совести, но только не из-под палки.

– Думал о том. Но ведь там еще есть...

– Чего замолчал? Сказывай, – поторопил Зван.

– Неважно. Не могу я иначе. Нужно не допустить гульдов к крепости. А коли мы тут набедакурим, то и у воеводы появится шанс одолеть ворога. Людишек мы покосим, припасов лишим, багинетами они много не навоюют.

– Темнишь ты, атаман, – покачал головой Куница. – Но раз не хочешь сказывать, воля твоя. В стан к врагу одному лезть не резон, кто-нибудь должен и спину прикрыть, так что я с тобой. Вот только нельзя тебе самому идти, твою рожу и ночью признать недолго.

– Сказываю же, это дело мое.

– Так ты за себя решил, а мы – за себя. Верно сказываю, браты? – задорно улыбнулся Зван.

– А то!

– В корень зришь!

– Ага! – наперебой загомонили ватажники.

– Так что, атаман, думку думай, что мы вместе делать станем, а не порознь, – закончил Куница.

– Спасибо, браты. До гробовой доски не забуду.

– Это мы нипочем не забудем, – возразил Зван. – Были мы тати без роду без племени, подле плахи обретающиеся, а сегодня в люди вышли. Служим, не без того, да только уж не хоронимся по чащобам. Так что сказывай, что делать.

– Кот, отправляйся к Горазду и веди людей туда, куда я указал.

– Ясно. – Тряхнув головой, парень тут же направился к лошади. А к чему время терять? Его, похоже, вовсе не осталось, так что нужно поспешать. Поди еще Горазда найди.

– Куница, – продолжал Виктор, – тебе, как и уговаривались, подрывать мост.

Переправа через речку заминирована, оставалось дернуть за бечевку, что в прибрежные камыши тянется. Был мост – и нет моста, как и тех, кто на нем будет находиться. Этот ход они проделали на случай, если противник не развернется, потравившись колодезной водицей. Так сказать, повод пустить первую кровь. Кунице же эту роль отвели как самому лучшему из разведчиков. Ведь хорониться придется не далее чем в полтора сотнях шагов, в качестве прикрытия от обломков разлетевшегося моста – лишь камыши да откос берега, немного выдающийся в воду. В принципе, мост гульды восстановят довольно скоро, материала в виде бревенчатых изб сколько угодно, но хотя бы на полдня их это задержит. А там можно и еще врезать.

– Не согласен, – возразил браконьер. – С мостом почитай любой справится, а вот моя духовушка очень даже может пригодиться, когда в лагерь пойдем. Шума она не создает, бьет, как мушкет, а управиться с ней, кроме меня, некому, разве что ты сумеешь, да у тебя иных забот хватит.

– А то я не ведаю! Да только в лагерь мы ночью пойдем, а мост рвать утром станем, – возразил Виктор. – К тому же ты близко окажешься, так что, пока мы шорох наводить станем, под шумок сможешь офицеров подвыбить, ты уж высматривай кого поважнее.

– А вот это добре, – обрадовавшись, что никто не собирается его лишать удовольствия прогуляться к гульдам, с улыбкой заявил разведчик.

– Да смотри, рвануть нужно будет, едва на мост взойдут драгуны. Они должны будут выдвигаться первыми.

– А коли пехота пойдет?

– Вряд ли. Но если так, то как увидишь, что народу много, сразу взрывавай.

– Понял.

– Зван, как и условились, расположитесь на той позиции. Минометами бить по тому берегу, когда народу побольше набежит...

– Так ты же... – перебил было помощник.

– Мы можем и не вернуться, – оборвал его, в свою очередь, Виктор. – Да не забудь тогда уж кого-нибудь отправить в камыши.

– Ясно, – вздохнул тот в ответ. А чего тут может быть неясного?

– А раз всем все ясно, тогда идем на опушку, будем копать позиции, как говорится, за себя и за того парня.

– Это за какого?

– Ну дак бог весть, когда ребята с Гораздом появятся. Может, и на рассвете. Когда же им окапываться?

– Это и под минометы, выходит, копать будем?

– А ты как догадался, Зван?

– Э-эх, мало того, что эти бездельники и половины того не хапнули, что мы, так еще и копать за них.

Ну да, дедовщина, она не в советской армии появилась, так что парней понять можно. Однако нужно отдать им должное: ворчать-то ворчали, но за работу принялись дружно, не забыв помянуть и Кота, самого молодого из них, который избежал нудной работы. Виктор и Куница также взялись за саперные лопатки. Нужно было выждать, пока гульды успокоятся, а раз так, то по одному окопчику для стрельбы с колена они подготовить сумеют, все помощь ребятам.

Место, определенное им для устройства засады, представляло собой открытое поле. На этом участке лес отступал от берега метров на триста – четыреста, крестьяне по обе стороны от деревни устроили рощи под пашни; на противоположном берегу речушки отвоеванное у чащи пространство было куда более обширным. Так вот, от опушки, где они сейчас устраивали позиции, до окраины села – примерно четыреста метров. Практически идеальные условия для воплощения задуманного, потому как гульдам придется подбираться к ним по открытой местности, и если все пойдет по плану, то выступить смогут только две роты солдат. Многовато, но остановить их вполне реально.

Еще загодя Виктор составил таблицу с ориентирами. Беда сегодняшней артиллерии в том, что при всей своей мощи она не отличается особой точностью. Причин тому было много. Ядро или бомба так же, как и пуля в стволе, имели зазор, отчего точность стрельбы снижалась. Если с гладкоствольными мушкетами проблема во многом решалась при помощи пули Нейслера, то к пушкам подобное не применишь. Навеска пороха не всегда была одинаковой, сравнительно недавно начали применять зарядные картузы, но не повсеместно, да и там с точностью так себе. Немалую роль в этом играла точность определения дальности и прицельные приспособления: зачастую стрельба вообще велась на глазок, что при низкой скорострельности являлось существенным недостатком.

У Виктора со скорострельностью оружия все в полном порядке, по нынешним временам – практически пулемет. Но имелась иная проблема – ограниченность в боезапасе. Богдану при всем его усердии удалось запасти не шибко много боеприпасов. А вот с прицелами практически порядок. Конечно, не оптика, а некое подобие квадранта, но все равно получалось довольно неплохо: недостающее компенсировалось большим количеством осколков и радиусом поражения, сглаживающим неточность прицела. Но все еще оставалась проблема с определением дальности.

Чтобы решить эту проблему, Виктору пришлось во время последнего посещения столицы навестить одного математика и кое-чему у него поучиться. Ну не помнил он тригонометрию! Геометрию еще туда-сюда, на уровне «Пифагоровы штаны на все стороны равны». Что же касается всяких там синусов, косинусов и тангенсов – полный провал. Правда, тут они назывались иначе, но не суть, потому как без них не обойтись. Другое дело, что ему постичь эту науку оказалось куда проще, чем местным. Пришлось слегка раскошелиться на оплату ученому, а потом и на покупку квадранта, который он собирался использовать как дальномер. С учетом предстоящей экономии боеприпасов (а вернее, повышения эффективности их использования) должна получиться просто колоссальная экономия.

Несмотря на то что Горазд должен подвезти всего два миномета, проблем они могут сделать много. Ну не принято тут прятаться от артогня! Скорее даже совсем наоборот – положено выстраиваться в линию, да еще и в несколько шеренг, и изображать из себя стойких оловянных

солдатиков. В свете этого свое веское слово должны сказать и гранаты, метаемые при помощи мушкетов. Одним словом, веселье предполагается еще то.

Интересно, эти гульды – больные на голову или все же понатыкали тут секретов? Вообще система охраны Виктору нравилась. Организовали несколько постов, по десятку людей у каждого. Эти архаровцы запалили костры, подле которых и устроились, с двух сторон на расстоянии около двадцати метров маячат часовые, остальные сидят у огня. Разрывы между такими постами довольно большие: если передвигаться во весь рост – не пройти, но если ползком – очень даже возможно. Вот именно это соображение и навело мысль о секретах.

Виктор и Куница, напялив маскировочные балахоны, довольно медленно, ползком преодолели линию охранения, так и не обнаружив ни одного секрета. Прошло два патруля, а вот секретов – ни одного. Получается, весь расчет делался на ту охрану, вскрыть которую не составляло труда. Да что же они тут, ничего не слышали о диверсантах? Хм... А ведь и правда не слышали. Ну и слава богу.

Зайдя за охранный периметр, Виктор и его спутник поднялись и совершенно открыто пошли в направлении домов, запихав балахоны в плечевые солдатские сумки. Тут теперь главное – не слишком приближаться к караульным и не оказаться на пути очередного патруля. Как и предполагал Виктор, двое солдат в такой же форме, как у всех в лагере, особого интереса ни у кого не вызвали. Ну, это знакомо еще по прошлому разу, когда он подорвал пороховой погреб у Обережной. Основная масса воинов уже улеглась отдыхать, все же на завтра намечен очередной трудный переход, но и бодрствующие тоже имелись.

Хорошо все же, что крестьяне оставили село, уведя с собой заодно и всех собак. Иначе бреху было бы... Однако по улицам все время передвигались два патруля, так что местным шарикам и тузикам и так было бы кого облаивать. Село казалось довольно компактным. Две улицы (одна из них – дорога, нанизывающая на себя все населенные пункты вдоль Турани, а вторая сбегает непосредственно к берегу) пересекались под прямым углом. Посередине – небольшая площадь, точнее, довольно большой участок на пересечении дорог, незастроенный и неогороженный. Вот к нему-то и стремились доморощенные диверсанты. Хотя не такие уж и доморощенные, если припомнить, сколько им уже удалось наворотить.

Черт! Быстро же ходят эти гульды! Или здесь не два патруля, а больше. Виктор и Куница поспешили юркнуть за угол избы. Вроде они и в военной форме, только вот лицом к лицу сталкиваться нежелательно: и без того практически вплотную подошли, совершенно не скрываясь, теперь лучше поберечься. И вообще хватит ходить по дорогам. Надо вот так вот, тишком, огородами. Скромнее нужно быть, скромнее.

У повозок оказалось четверо часовых, но, как всегда, служба организована так себе. Вместо того чтобы разойтись по сторонам и охранять обоз из полутора десятков повозок, тесно сбитых на площадке и по улицам, охранники встали по двое и лясы точат. Вот молодцы. Так держать. Одно плохо: повозка, груз которой Виктор в подозрительную трубу точно классифицировал как порох, стояла именно в центре, неподалеку от парочки часовых.

– Может, снимем? – прошептал в самое ухо Куница.

– Ты страхуй и, если что, начинай валить. Попробую все же по-тихому пробраться, лошадей они увели пастись, так что может и получится, – скорее выдохнул, чем произнес Волков.

Напарник только согласно кивнул и изготавился к бою.

Подобраться к повозке оказалось гораздо проще, чем представлялось. Сколько миллионов нервных клеток при этом погибло и какое количество адреналина сейчас бушевало у него в крови, вопрос иной. Главное, что часовые и ухом не повели, продолжая приглушенно разговаривать на своем гортанном языке. Вот она, эта клятая повозка. Верный нож в руке. Этот булатный клинок ему достался от одного из убиенных драгун (тот, наверное, тоже с кого-то снял): великолепная сталь, отличная балансировка, удобная рукоять. С тех пор как он его взял в руки, так с ним и не расставался. Остро отточенная сталь легко взрезала парусину. При этом

даже взведенный, как боевая пружина, Виктор почти ничего не услышал, о часовых, продолжающих переговариваться, и упоминать не стоит.

Ага, знакомые бочонки. Ухватив один, Волков аккуратно его приподнял, потом извлек на свет божий и опустил на землю. Пробочка на месте, вот и ладушки. Второй. Тоже с пробочкой. Невольно вспомнилось, как он тогда, под Обережной, мучился с пробкой, вынуть которую получилось только ценой пары сорванных ногтей. Сейчас все прошло гораздо проще. Один бочонок без пробки положил набок, и тут же под отверстием образовалась небольшая горка черного порошка. Второй взял на руки и, просыпая непрерывную дорожку, все так же тишком отправился обратно.

Добравшись до крайней повозки, Виктор дождался, пока пройдет патруль, а потом двинулся к Кунице. Вроде порядок. Вот и дальше бы так же... Они шли, уже вдвоем, еще какое-то время. Все, стоп. И удалились достаточно далеко (по идее, постройки должны будут их прикрыть), и порох в бочонке закончился. Огниво. Высечь искру. Огненная дорожка быстро побежала к повозкам. Ходу!

Нет, насчет того, что таким образом удастся ликвидировать командование, он, конечно, погорячился, но все равно зрелище получилось очень впечатляющее. Они были более чем в сотне метров от места взрыва, но их все же настигло одно из колес. И как только не попало! Иначе без увечий точно не обошлось бы.

Сказать, что поднялась паника, это не сказать ничего. Оно и к лучшему. А что? Все куда-то бегут, что-то кричат. Вот и они беспрепятственно выбежали за пределы села и растворились в темноте. Все хорошо, что хорошо кончается. Хм. В данном случае – начинается. Что ж, с почином.

Вообще-то он ожидал куда большего, ну да грех жаловаться. Уничтожение почти всего обоза тоже чего-то да стоит. Опять же пять изб снесло и раскатало по бревнышку, да за околицей появилось десятка с два крестов. Чем не результат? Маловато, конечно, но ведь основные войска были не в селе, так что столь низким потерям при столь внушительном взрыве особо удивляться не приходится. И потом, наверняка есть и раненые. Как утверждает статистика, их должно быть куда больше, чем погибших, эдак раза в три. Почти сотня солдат. Нормально. Сейчас еще добавим.

Продолжая наблюдение, Виктор невольно припомнил события прошлой ночи. Что-то с ним было не так. Он отчетливо это понимал, но уловить, в чем именно произошли изменения, не мог. Наконец его осенило. Он боялся! Нет, он не столбенел от страха и медвежья болезнь его не одолела, но он боялся погибнуть. Если раньше это было скорее нежеланием покинуть этот бранный мир раньше, чем он сможет расквитаться с врагом, то сейчас это был тот самый страх, который он раньше всякий раз испытывал перед схваткой. С чего бы это? Впрочем, ответ на этот вопрос лежал на поверхности. Неждана. Она не просто появилась в его жизни, эта кнопка, которая еще и не видела ничего, – она вернула его к *прежней* жизни. У него появился смысл, тот якорь, который теперь удерживал его на этом свете. Появившийся страх был первым предвестником того, что жизнь налаживается и постепенно возвращается на круги своя. Нет, гульдов он не возлюбит, мало того, будет безжалостно истреблять, но прежней жадности крови уже нет, ему больше не хочется рвать всех подряд, ему хочется защищать и заботиться.

Закончив свои наблюдения, Виктор покинул пост и двинулся лесом в обход открытого места, к позиции, которую сейчас занимали его парни. Кот и Горазд легко нашли друг друга: они очень удачно приняли одинаковое решение – придерживаться дороги, а она тут одна. Перед рассветом все бойцы заняли свои места и ожидали команды Волкова. О том, что у них все в порядке, Виктор сообщил лично. Куница сразу направился к своему месту, отведенному ему в этом действе. Все говорило о том, что гульды не утихомятятся до самого рассвета, а при свете солнышка поди проберись по тем камышам, да еще и поспевай вовремя. Лучше уж заранее.

– Ну что там? – тут же подбежал Горазд.

– Порядок, – с улыбкой ответил Виктор. – Могло быть и лучше, но надеюсь, что сейчас наверстаем. Только бы у Куницы все срослось.

– Срастется, – уверенно заявил парень.

– Твои как, трясутся?

– Есть маленько. Ведь в деле еще не были, только тренировки. Мы со Званом их распределили вперемешку со старичками, чтобы при надобности они их подстегнули.

– Правильно сделали. Я что-то это упустил.

У Горазда вообще-то не десять человек, а двенадцать, так что весь отряд состоял из двадцати одного бойца. С боевым опытом у них совсем поганно, не отправлять же их в Гульдию для получения оного. Чревато. Да что там, даже старички-ватажники имели только опыт коротких схваток или диверсий, в настоящем бою никто из них не участвовал. Виктор мог считаться исключением, но и его настоящая война осталась где-то там, в далеком далеко, на прежней Земле. Вот и выходило, что сегодня всех их ждет боевое крещение. Несмотря на отсутствие боевого опыта, молодые имели преимущество перед старичками, потому как все обучены пользованию и дальномерами, и таблицами, а значит, знали и грамоту. Они имели возможность куда больше упражняться в метании надствольных и обычных гранат, а также в стрельбе из миномета – этого оружия старички не знали вовсе. Так что имеющиеся недостатки молодняк мог компенсировать лучшей обученностью. А вот как они себя поведут, когда пули начнут свистеть над головами, еще предстоит выяснить.

Стараясь не отвечивать на открытом месте, Виктор прошелся вдоль линии неглубоких окопчиков. Если стоять на колене, то вполне приемлемо, над бруствером будет видна только голова, да и то лишь в оставленном секторе для стрельбы. При желании вполне реально не отвечивать и там, в конце концов гранаты можно запускать и навесом. Парни нервничают, причем все без исключения. А если быть более точным, то у старичков нервозность наблюдается куда больше: они знают, каково это – сходить с противником, и прекрасно отдают себе отчет, что, даже если не случится осечки и мост взорвется, как ему и положено, на этом берегу уже находятся две роты пехоты, то есть три сотни солдат. Против двух десятков это много, очень много.

Соотношение один к пятнадцати не баран чихнул. Все будет зависеть от того, насколько хорошо Виктор поработал над новым оружием, от умелого его применения, а главное, от того, выдержат ли нервы. Молодые пребывают в благостном неведении. Нет, они тоже нервничают, но как-то не так и держатся несколько отстраненно. Вот двое у миномета деловито и в который раз перекалывают мины, чтобы удобнее было заряжать. Второй номер передвинул два бурдюка, надутые воздухом и имеющие медные трубки, способные достать до конца деревянного ствола. После десятка выстрелов случаются осечки: сгорающий порох выжигает кислород на дне ствола, и фитиль, пропитанный селитрой, тухнет. Чтобы этого избежать, после каждой серии из десяти выстрелов медная трубка опускается в ствол, вентиль открывается, и из сжимаемого бурдюка в ствол устремляется воздух, несущий с собой необходимый кислород. По этой причине и мины раскладываются небольшими штабелями по десять штук, так проще избежать путаницы.

Сам миномет вообще песня. Кусок ствола листовницы имеет отверстие примерно девятью миллиметрами, мина проскальзывает с минимальным зазором. Проволокой его оплести не стали, хотя на базе имелись и такие стволы, просто эти одноразовые, каждый из них должен сделать только по пятьдесят выстрелов, после чего превратится в одноразовую картечницу, а для этого прочности дерева вполне достаточно. Казенная часть упирается в брус, с которым соединена особой скобой. Тренога крепится к стволу посредством хомута, угол возвышения регулируется при помощи винта. К стволу, так же на хомутах, прикреплен и угломер, эдакий прицел. Все соединения – винтовые, при необходимости уже через три минуты металлические части могут быть демонтированы, спасти дерево никто не собирается. Еще пара минут – и в

стволе проделывается отверстие буравчиком, ввинчивается колесцовый замок, в ствол загоняется картуз с порохом, поверх него еще один, с картечью, дальше остается только навести на цель, отбежать и дернуть за веревочку. Хотя миномет в основе своей деревянный, не сказать, что он легче стальных собратьев, – даже наоборот, тяжелее. А о габаритах лучше и не вспоминать – довольно громоздкая конструкция. Впрочем, габариты миномета куда скромнее, чем у пушки, к бою изготовить его можно в разы быстрее, а для транспортировки достаточно одной вьючной лошади со специально приспособленным для этого седлом.

Убедившись, что у парней все в порядке, Виктор встал за большим деревом на опушке и вскинул к глазам подзорную трубу. Он не боялся, что заметят блики, об этом позаботится тень деревьев. Сам он одет в одежду защитного цвета, так что, даже если гульды станут рассматривать в оптику, ни черта не заметят.

Насколько он мог судить, с последствиями взрыва, устроенного ночью, уже разобрались. Обломки убрали с дороги. Все, что удалось спасти, разместили по другим повозкам, а что не поместилось – уложили в наспех изготовленные волокуши. Радовало, что спасено было не так чтобы много. Жаль, не удалось повредить повозки с пушками, но сейчас это не имело особого значения. С транспортировкой артиллерии здесь было совсем плохо. Качество стали не позволяло изготовить достаточно прочные оси, а сами пушки были весьма тяжелы: при длительном нахождении в боевом состоянии оси попросту гнулись, а уж при транспортировке и подавно. По этой причине орудия здесь перемещались к месту сражения в разобранном виде, и под транспортировку одной единицы использовалось две-три повозки. Для того чтобы изготовить их к бою, требовалось затратить весь световой день, порой и больше, ну тут уж все зависело от навыков пушкарей. Опять же пороха у них скорее всего оставалось немного, наверняка это зелье было распределено таким образом, чтобы не потерять весь запас разом. После конфуза с колодцами в это верилось легко. Однако Виктор предполагал, что около половины боезапаса ночью взлетело на воздух.

Если им удастся подорвать мост и не допустить к позиции эти две роты, то дальше опасаться нечего. Разумеется, благодаря этому чертову дымному пороху их позицию засекут, но достать их тут практически невозможно, если только из пушек. По известным причинам это пустые опасения. Не сказать, что гульды не могли ничего предпринять, но из всех вариантов самым подходящим был обход со стороны леса. А для этого им придется переправляться через реку на участке реки, находящемся вне пределов видимости противника. С другой стороны, в планы Виктора не входило стоять насмерть на этой опушке. Он хотел нанести максимальные потери гульдам, настолько серьезные, чтобы они все же развернулись обратно из опасения потерпеть поражение от брячиславского воеводы. Нет, изображать из себя взвод, погибающий у деревни Крюково, он вовсе не хотел. Теперь ему есть ради чего жить.

Солдаты по оба берега реки уже свернули лагерь и начали готовиться к выдвиганию, причем, не особо торопясь. Первыми выдвинулись драгуны. Вообще-то глупость. К чему в лесистой местности в качестве передового дозора использовать кавалерию? Куда более логично было бы пустить пехоту. Но кто сказал, что они будут скакать без оглядки? Помнится, тот десяток драгун, который попал в их засаду, в лесу действовал грамотно и взяли их как раз на открытом месте.

Выстроившись в колонну по двое, драгуны (их было порядка полусотни) ступили на мост. Первая пара уже достигла середины, а всего на мост вошло не больше десятка всадников. Мало, но ведь и речушка узкая. Только бы Куница от жадности не решил дожидаться пехоты, которая передвигалась в более плотном построении, а при подрыве, соответственно, понесла бы более ощутимые потери. Почему ничего не происходит? Проклятье! Неужели подвел взрыватель? Но даже если так, то ведь второй бочонок тоже имеет свой – страховка на всякий случай. Не сработали оба? Система не раз проверялась – и ни одной осечки. Гульды обнаружили закладку? Вполне возможно, но ой как нежелательно.

Виктор занервничал. По спине прошел озноб, между лопаток сбегала струйка холодного пота. Около сотни всадников! Да тут даже не понадобится подмога пехоты, драгуны и сами управятся: быстро преодолев открытое пространство, они в мгновение перебьют засаду. Можно, конечно, уйти в лес, но тогда придется все бросить и к противнику попадет много чего интересного. Ведь системы самоликвидации нет и в помине. Гульды наверняка сумеют разобраться с попавшим им в руки богатством, не дураки. Тогда получится, что Волков сотоварищи подложат Брячиславию большую такую свинью.

Взрыв! У Виктора едва ноги не подогнулись от охватившего его облегчения. Оставались еще две роты, но с этим они как-нибудь разберутся с божьей помощью, а нет, так будет время и уйти, и прибраться за собой. Район моста заволокло белым непрозрачным дымом, из которого во все стороны разлетались обломки, земля и камень. Отдаленные крики, полные боли и отчаяния, слышны даже здесь. Вот густое белое облако воспарило ввысь, и его подхватил ветерок, дующий в сторону Турани. Картина прояснилась.

Хм. Взрыв разметал не весь мост, а только две трети. Впрочем, результат все равно отличный. Оставшаяся часть наверняка нуждается в ремонте, столбы опор ближе к противоположному берегу переломало так, что только половина из них торчит из воды, словно гнилые зубы, от остальных не осталось и следа. Часть опор (это у середины реки) осталась на своих местах, с них напрочь снесло настил, но скорее всего использовать их опасно, наверняка потрескались, так что придется или укреплять, или менять.

Досталось не только драгунам, но и уже выстроившимся в походную колонну пехотинцам. Судя по всему, обломки моста влетели в плотное построение и наделали делов. Это в планы Виктора не входило, но не сказать, что было неприятной неожиданностью. Каждый погибший солдат сейчас являлся дробинкой, падавшей на чашу брячиславцев, склоняя весы в их сторону и вынуждая противника отказаться от дальнейшего продвижения вперед. Большого Виктору и не нужно.

Противник заволновался и заметался в панике. Нет, не так. Метались лишь те, кто оказался поблизости от места взрыва, остальные, сохраняя спокойствие, выстраивались в боевые порядки. Походный строй быстро начал трансформироваться в линию, перед строем заметались сержанты и офицеры, спешно готовя подразделения к бою. Та же картина и на этом берегу.

Две роты перемещаются немного в сторону, чтобы при случае оставшиеся на том берегу могли поддержать их огнем с фланга. Иллюзорная надежда, если учесть дальность прицельного огня современных мушкетов. Примерно в течение десяти минут перемещаются и перестраиваются войска, подтягивается полк, расположившийся за селом, а обоз, наоборот, отходит. Быстро же они управляются с подготовкой к бою!

Пора. Первоочередная цель находится на этом берегу, поэтому весь огонь сюда. Конечно, минометам было бы раздолье, если бы пришлось стрелять за речку: там более плотные построения, а потому меньше шансов попусту израсходовать снаряд, но реальная угроза может исходить только от вот этих рот.

– Прицел на четыреста шагов! – Это предельная дальность для надствольных гранат, но разброс не должен быть большим. – Цель – две отдельные роты на этом берегу! – Вообще-то все уже давно оговорено, но, как говорится, повторение – мать учения. К тому же минометам нужно время чтобы изменить прицел: противник сместился в сторону. – Минометным расчетам доложить о готовности!

– Первый готов!

– Второй готов!

– Десятники!

– Первый десяток готов!

– Второй десяток готов!

– Помните, ребята, в рукопашную не вступать! Бить врага на дистанции! А ну-ка все дружно! Огонь!

У Виктора сейчас в руках тоже карабин с насаженной на него гранатой, а сам он уже в окопчике, незачем отсвечивать. Приклад зажат под мышкой, мишень – в прорези прикрепленного сбоку прицела. Вокруг уже слышатся глухие и одновременно звонкие хлопки выстрелов, первые вестницы уходят к цели. Припоздав на малое мгновение, он также отправляет ребристый гостинец в противника. Быстрый взгляд вдоль позиции. Как и ожидалось, парни не стали мудрить с навесной стрельбой: ни к чему, если можно без риска взять более точный прицел. Позиция, занятая ими, четко обозначается дымками от сгоревшего пороха, так что гадать, откуда пришла беда, гильдам не придется. Что за оружие используют брячиславцы, они тоже сразу поймут, – ручные мортирки. Вызовет недоумение точность стрельбы, но чего только не случается на войне.

Гранаты еще не долетели до цели, когда с небольшим запозданием минометы с глухим «бух» вывели свои снаряды. Фитиль горит в среднем четыре-пять секунд, так что запаздывание вполне объяснимо, а вот дальше минометы начнут опережать стрелков. Наконец среди строя начинают вспухать ватные облачка, и с незначительным интервалом доносятся звуки относительно несильных разрывов. Дыма пока не особо много, поэтому Виктор отчетливо видит, как из строя вываливаются люди, некоторые катаются по траве, наверняка раздаются и крики, но он их не слышит.

Один за другим раздаются два басовитых взрыва, заглушающие все остальное. А чего вы хотели? Чай мина раза в четыре поболее гранаты будет, и заряд у нее куда солиднее. Одна из мин бьет слегка позади строя и словно вминает его с тыла. Вторая угодила точно в строй, и, когда дым рассеялся, там наблюдалась солидная брешь. Удачная стрельба, ничего не скажешь. Такой результат одним лишь умением не объяснить, везение здесь сказало далеко не последнее слово.

Все это он видит, одновременно перезаряжая карабин и готовясь запустить следующий гостинец. Теперь нужно стрелять как можно чаще и точнее, потому что позиция уже обозначилась. Если дымки от карабинов были незначительными и имелся иллюзорный шанс на то, что их не заметят, то от минометов дыма значительно больше. Виктор уже взводил курок, когда один за другим снова раздалась глухие голоса минометов. А он что говорил! Эти монстры свое еще возьмут, после магазинных кремневок они самое скорострельное оружие этого мира.

Противник в прицеле. Видны разрывы мин. На этот раз не так удачно, но все равно в молоко не ушли, кого-то задел. Выстрел! Закрутилось, понеслось. Минометы и стрелки бьют уже вразнобой, кто-то управляется быстрее, кто-то медленнее. Стрельба становится практически беспрерывной.

Командиры рот рассредоточивают свои подразделения. Эффективность стрельбы резко снижается, но никак не скорострельность. На гильдов продолжают сыпаться гранаты и мины, унося то одну, то несколько жизней, рая солдат и заставляя их кататься по земле. Воины оглашали окрестности полными болями и страданиями криками, которые теперь уже различимы, несмотря на продолжающийся обстрел.

Что это? Прахом пошла вся работа по вычислению дистанций и определению ориентиров. Вместо того чтобы двинуться в наступление и опрокинуть небольшой отряд, гильды спешно переправляются вплавь на тот берег, уходя к своим. Но почему гильды, славящиеся своим упорством и высоким боевым духом, позволили безнаказанно себя расстрелять и обратились в бегство?

«А чего ты, собственно, хотел?» – подумал Виктор. Им ведь невдомек, сколько здесь войск противника: все указывает на то, что тут сосредоточены серьезные силы. Ничем иным такую скорострельность гильды объяснить не могут. Ну да, стрельцы не бьют из пищалей, но

по-другому и быть не может, уж больно далеко летят снаряды. Вот пойдут две роты в атаку, а в лесу стоят все два полка из Обережной, больше войскам здесь взяться неоткуда.

Все. Продолжать обстрел – только попусту метать снаряды, а их не так чтобы много. Заставили противника, представляющего непосредственную опасность, отступить и ладушки. Место, где недавно стояли эти роты, усеяны убитыми и ранеными, хорошо различимыми благодаря синим мундирам. Хорошо все же поработали: к переправе двинулись не больше двух третей воинов, а может, и меньше.

– Прекратить огонь!

– Прекратить огонь!

– Хорош, братья! – тут же дублируют команду Горазд и Зван.

Канонада не такая уж и сильная, чтобы невозможно было слышать команду, поэтому уже через пару секунд наступает тишина.

– Минометы, прицел на шестьсот шагов!

– Есть шестьсот шагов!

– Есть шестьсот шагов! – кричат минометчики. Оба расчета находятся по обе стороны от Виктора, поэтому слышат его хорошо.

Ага, в голосах задор и азарт. А то! Безнаказанный обстрел противника, а главное, наблюдение за тем, как тот несет ощутимые потери, кого хочешь воодушевит. Но уж лучше получать боевое крещение вот так, чем с ходу оказаться в мясорубке лобовой атаки. Как говорится, от простого к сложному.

– Стрелкам вооружиться штуцерами! Прицел шестьсот шагов!

Ну да, вот так вот незатейливо он назвал карабины с нарезными стволами. А зачем изобретать что-то новое, если все это уже было. И не имеет значения, что было не в этом мире. Ему так привычнее. Сам он также вооружился своим револьверным карабином. Оно далековато, конечно, но ведь противник продолжает стоять в строю, и второй полк уже подтянулся. Ну-ну, ребятки, давайте кучнее.

– Огонь!

А получи, фашист, гранату! Нет, тут представителей рейха нет и в помине, но замени фашиста на гульда, а гранату на мину – и все будет в точку. Мины ударили довольно метко, на этот раз в строй попаданий не было, но чушка, нашпигованная порохом и ударившая даже между двумя линиями построений, не нанести потерь не может.

Минометы свое слово сказали. Пора присоединять свой голос к их басу. Послышались выстрелы штуцеров. В свое время было сожжено изрядное количество пороха, чтобы высчитать градуировку прицела.

Никакой теоретической подготовки у Виктора не было. Иным способом, кроме как многократными повторениями, результата он добиться не мог, поэтому засучив рукава принялся за осуществление своих намерений. Нет, не так. Он рассказал о своей идее Богдану и Горазду, благо объяснять, насколько это может оказаться важным, не пришлось. Этот этап был пройден, еще когда высчитывали прицелы под минометы и гранатометы. По совету Волкова из дерева изготовили массивную станину, где намертво зажимался штуцер, и из такого положения производилась стрельба на различные дистанции. Работа кропотливая, отнявшая много времени, но результат был получен. Возможно, будь на месте Виктора тот, кто в ладах с точными науками, все вышло бы проще и быстрее, но ему был доступен только этот метод.

Тем не менее в первую очередь важен результат, а он есть. Несколько фигурок выпали из строя, и мины тут совсем ни при чем. Что ж, это не может не радовать. Приклад привычно уперся в плечо. Рассмотреть отдельных солдат нет никакой возможности, строй предстает перед взором в виде сплошной синей линии. Ладно, значит, будем целиться в эту линию. Выстрел! Вроде есть. Показалось или действительно одна из фигурок выпала из общего строя? Вот же! Когда смотрел на результаты стрельбы других, то видел падающих, а как дошло до

себя, ни черта не разобрать. Ну и бог с ними. Кресало на место, взвести курок, посадить строй на мушку. Выстрел!

Поначалу все шло просто замечательно. Гульды добросовестно изображали из себя стойких оловянных солдатиков и, разумеется, несли большие потери. Потом их командующий попытался рассредоточить воинов, но добиться существенного уменьшения потерь ему не удалось. Слишком большое количество людей сосредоточено на сравнительно малом участке. Если эффективность стрелков быстро упала, то мины продолжали собирать обильный урожай смертей. Поэтому совсем скоро части начали отходить. А вслед за отступившими появились разрозненные группы, и, как сумел рассмотреть в подзорную трубу Виктор, они не были вооружены, зато в руках держали носилки и лопаты.

Понятно. Противник ограничивается обстрелом из тяжелого вооружения, а из стрелкового может бить только по большим скоплениям солдат. Гульды и вовсе лишены возможности вести хоть какую-нибудь стрельбу. Брячиславцы врага обстреливают, но никаким иным способом себя не проявляют, а после отвода войск дальше от речушки прекратился и артиллерийский огонь. Наметилось затишье. Славенские мортиры не в состоянии добить до противника, войска себя никак не обозначают, единственная переправа разрушена. Сейчас командующий гульдов лихорадочно обдумывает варианты решения возникшей проблемы. Пока суть да дело, необходимо собрать раненых и похоронить павших. Сначала на своем берегу, а если не встретят противодействия, то и на противоположном.

– Не стрелять! Пусть собирают своих, – не отрываясь от окуляра подзорной трубы, отдал команду Виктор.

Опушка находится на некотором возвышении, а поэтому видно все довольно хорошо, за исключением тех мест, где стелется дым от загоревшихся крайних домов. Неплохо поработали. Потери вполне сопоставимы с тем, как если бы на этом поле гульды столкнулись с гарнизоном Обережной, причем встреча должна была закончиться не в пользу первых.

Пора привести оружие в порядок. Дело это немаловажное. Исправный и почищенный мушкет или пистоль вполне способен спасти твою жизнь, загаженные же могут дать осечку в любой момент. Как известно, по закону подлости это происходит в самое неподходящее время, когда мгновение определяет грань между жизнью и смертью. Громкие слова? Возможно, вот только откуда взялась поговорка об этом своеобразном законе, причем в различных интерпретациях она имеется у многих народов. Так что есть там мистика или нет, лучше содержать оружие в порядке, а тогда уж и шансов нарваться на неприятности будет куда меньше.

Виктор быстро раскидал карабин и принялся за чистку. Он давно уже установил такое правило: даже если ты произвел один выстрел, почисть оружие и подойди к этому столь же серьезно, как и после дюжины выстрелов. С другой стороны, это уже настолько въелось в его натуру, что не отнимало много времени. Пока руки быстро и сноровисто, сами по себе делали привычную работу, голова была занята совсем иными вопросами.

Прошло минут пятнадцать, не больше, когда оба карабина были почищены и снаряжены для боя. А повоевать отряд все еще вполне способен. У бойцов оставалось по десять надствольных и по шесть ручных гранат. Как же все-таки хорошо иметь под седлом крепкого коня, а еще заводных и выючных лошадей, потому как такое количество снаряжения унести на своих плечах на сколь-нибудь дальнее расстояние просто нереально, а уж воевать, будучи навьюченным, словно мул... Минометы также могли сказать свое веское слово, у них оставалось еще по десятку мин на ствол. Гульды слишком быстро сориентировались и отвели свои части. Можно было, разумеется, обстрелять и разрозненные группы, однако каждая мина влетала в копеечку и требовала определенных затрат труда, так что просто разбазаривать их не хотелось. Имелись и картечники, но их время придет, когда гульды продолжат-таки движение, а они непременно продолжат поход, потому как заставить их развернуться обратно у Виктора сейчас нет никакой возможности.

– Господин полковник, какие будут приказания?

Барон Мартинсонс не без самодовольства приподнял подбородок и, напустив на себя самый деловой и глубокомысленный вид, осмотрелся. Командование экспедиционным корпусом, включавшим в себя два полка, на него свалилось совершенно неожиданно. Не сказать, что он считал это неверным. Он давно уже полагал, что представитель такого древнего и славного рода, как Мартинсонсы, достоин генеральского чина и несправедливо позабыт. Конечно, его задевал тот факт, что командование ему было пожаловано не королем, а перешло по старшинству в результате гибели прежнего командующего. Тот неосторожно полез на передовую, когда мост взлетел на воздух. Ему, видите ли, понадобилось лично разобраться в диспозиции, чтобы принять решение. Идиот схлопотал славенскую пулю, едва подъехал к разрушенному мосту, причем не один, а вместе со своим заместителем. Хм... два идиота. Настоящему командующему вовсе нет необходимости самому лезть на передовую, для этого есть целый сонм адъютантов и иных офицеров, которые должны поставлять сведения.

Вот он, даже будучи командиром полка, никогда не лезет вперед, потому как является и сердцем, и головой своей части. Лиши организм любого из этих органов – и он умрет, так и полк попросту погибнет без руководства. Потеря даже половины личного состава не может считаться фатальной, тогда как гибель командира станет катастрофой. Он не раз слышал высказывания офицеров, в особенности молодой поросли, что войны выигрываются солдатами. Что за чушь! Войны выигрываются полководцами, но никак не этой серой скотиной. Конечно, гильды, даже крестьяне, стоят куда выше, чем бояре этих славен, но ведь он-то – представитель древнейшего гильдского рода. Что ж, если его не сумел по достоинству оценить король, то провидение само расставило все по своим местам.

– Майор Лиепиньш, вы являетесь знатоком фортеций. Думаю, восстановить мост для вас не будет неподъемной задачей.

– Если славенские мортиры позволят, то, разумеется, нет.

– Превосходно. Сколько вам потребуется времени?

– Трудно сказать. Необходимо обследовать оставшуюся часть моста и опор. После этого я смогу говорить о каких-либо сроках. Хорошо уже то, что с материалом проблем не возникнет, эти дома вполне подойдут.

– Это не ответ, майор.

– Но господин полковник...

– У вас времени – до полудня. Можете привлечь столько людей, сколько вам понадобится.

Исполняйте.

– Но славенские пушки...

– Вам не ясен приказ?

– Приказ ясен, но...

– Прекратите пререкаться и приступайте к исполнению.

Майор словно пришибленный покинул наскоро возведенную палатку полковника. Еще бы, командующему не пристало проводить совещания под открытым небом, на виду у солдат. Настоящий командующий должен быть недосягаем, как Господь, его подчиненные это уже давно поняли, теперь пришла пора разъяснить это остальным. Вслед за майором потянулись и остальные. К удивлению барона, один задержался.

– Господин полковник, разрешите высказать свое мнение.

Проклятый выскочка. Когда из полка забрали этого безродного капитана Андриша Пельша, барон Мартинсонс было вздохнул с облегчением, тем более когда на место Пельша прибыл новый командир роты, происходящий из древнего и благородного рода. Но радость была недолгой, потому как этот офицер оказался как раз представителем той самой молодой поросли, которая считает, что знает жизнь лучше старшего поколения. Мелькнула мысль оса-

дить его, так же как и давешнего майора, но этот был из слишком знатного рода, с ним следовало держать ухо востро. К тому же это не могло ударить по авторитету барона, ведь они остались одни.

– Слушаю вас, капитан.

– На мой взгляд, приступать к восстановлению моста сейчас было бы несколько преждевременно. Брячиславцы могут обстрелять команду по ремонту из своих мортир. Мост восстановить они нам не дадут, вдобавок мы понесем неоправданные потери.

– То есть вы предлагаете сидеть здесь и ничего не предпринимать? Вам напомнить, какой приказ нам надлежит выполнить?

– Нам не удастся его выполнить, если мы понесем слишком большие потери, а они и без того значительны.

– Мне это известно. Вам есть что еще сказать, капитан?

– Господин полковник, брячиславцев на том берегу вряд ли много. Комендант Обережной не может себе позволить столь далеко отойти от крепости, это была бы непростительная глупость с его стороны. Если бы у нас были речные суда, мы могли бы обойти их лагерь по Турани, но мы лишены такой возможности. Полагаю, предпочтительнее обойти противника, переправившись через эту речушку выше по течению, в лесистой части. Выйти во фланг засаде, сбить ее и, овладев обоими берегами, восстановить мост, после чего продолжить наступление.

– Если действовать таким образом, то мы потеряем весь день. В приказе же ясно сказано: в кратчайшие сроки перерезать торговый тракт и изолировать гарнизон Обережной. К тому же там не может быть малого количества противника, столько пушек никто не отправит в отрыве от основных сил.

– Но если судить по дымам, то пушек или мортир там не так много. Скорее всего мы имеем дело с какими-то новыми орудиями, обладающими большой скоростью перезарядки.

– Этого не может быть. Если бы такое было возможно, то у нас это оружие уже было бы. Лучшие умы Запада не смогли создать ничего подобного, неужели вы хотите убедить меня в том, что это по силам каким-то грязным славенам? Скорее всего они расположили свои мортиры в лесу, и нам не видны дымы от их выстрелов. Ваше предложение неприемлемо. Можете идти.

Проклятые свиньи! Как такое возможно? Он, представитель древнейшего рода, не мог ошибиться! Все шло хорошо. Солдаты быстро разобрали ближайшие к речке дома и начали сносить материал к берегу. Согласно докладу майора, оставшаяся часть моста практически не пострадала, в незначительном ремонте нуждался только настил. Оставшиеся опоры тоже следует укрепить, после чего они вполне могут справиться со своей задачей. К обеду управиться с ремонтом нет никакой возможности, но уже к трем часам пополудни переправа будет готова. И вот когда на берегу собралось уже достаточно много народу, когда начали появляться первые результаты работы, ударили славенские мортиры. Их там оказалось никак не меньше десятка. Что бы ни говорил этот выскочка, так быстро стрелять не способно ни одно орудие. Даже гульдские пушкари не могли похвастать таким умением, а их армия по праву считалась одной из лучших на Западе. Меткость славен тоже поражала. Что ж, похоже, офицеры из числа западников кое-чему научили этих дикарей.

Работы по восстановлению переправы были безнадежно сорваны, кроме того, это стоило большой крови. Несомненно, главной силой армии являются военачальники, но серой солдатской массе должны противостоять такие же солдаты. Не хотелось признавать очевидное, но, похоже, на этот раз молодой выскочка прав. Потери уже слишком велики, еще немного – и придется задуматься как минимум о прекращении продвижения вперед и затребовать подкрепления. Ладно, пусть так. Но только этому мальчишке не придется торжествовать.

– Марис, это правда? – обратился к давешнему капитану командир третьей роты.

– Что именно?

- Нашим ротам приказано обойти славен с фланга, переправившись выше по течению?
- Мне казалось, я только что это сказал.
- Но это какая-то ерунда. Правильнее было бы выслать разведку, установить численность противника и только после этого предпринимать какие-либо действия.
- Возможно. Но это все потеря времени, которого у нас не так чтобы много.
- Но отправлять две побитые роты, в которых людей едва ли наберется на одну полноценную... Мало того что полковник нас невзлюбил и мы все время движемся в авангарде, так сейчас он решил вообще нас уничтожить.
- Все не так страшно, как кажется на первый взгляд. Вряд ли там много славен, так что и наших побитых рот будет достаточно, чтобы с ними справиться.
- Но такое количество мортир не может быть отправлено в сопровождении жалкой роты.
- А кто говорит о том, что там такое количество артиллерии? Не надо повторять чужие бредни. Судя по дымам, там от силы две мортиры, только очень скорострельные. Вот мы и добудем их для нашего короля. Стоит ли тебе объяснять, что благодаря этому мы имеем шанс оказаться на слуху у его величества? Полковник, этот спесивый тупица, никогда не был в чести у Карла, а после этого похода мнение о нем упадет еще ниже. Уж я-то постараюсь, чтобы он не сумел приписать себе наши заслуги. Так что выше нос, мы ему еще покажем.

Ха! Да ты прямо прозорливый полководец, не иначе. Как все просчитал. С другой стороны, что тут просчитывать? Удивительно, как не просчитался. Ну и ладно, прав тот, кто побеждает. А судя по тому, что пока поле боя остается за ними, прав он.

Поначалу весь отряд продолжал оставаться на прежних позициях. Виктор подозревал, что по сложившейся здесь традиции гульды будут действовать прямо в лоб, и не ошибся. Примерно через полчаса после отвода частей, когда санитары все еще продолжали собирать раненых, а похоронная команда начала сносить к братской могиле павших, появились назначенные в саперы солдаты и принялись спешно разбирать избы. Виктор не мешал им, поджидая, когда на восстановление моста стонят как можно больше народу. Противник спешил, поэтому не мог не задействовать максимально возможное количество людей, им срочно нужна была переправа.

Предчувствие его не обмануло, вскоре на берегу яблоку негде было упасть. Ну это яблоку, а вот мине... Налет был скоротечным, потребовалось чуть больше минуты, чтобы выпустить весь оставшийся боезапас. Но этого оказалось вполне достаточно, чтобы разметать всю ремонтную бригаду, оставив немалую ее часть лежать на берегу. Если они и после этого по-дурному решат осуществлять дальнейший ремонт, то командующего гульдов нельзя назвать даже идиотом. Какая разница, что у отряда вышли все мины, противник-то этого не знал.

Двоих бойцов с выючными лошадьми он отправил в условленное место, нечего себя обременять снаряжением. Виктор рассчитывал обнаружить место переправы отряда, отправленного во фланг, и сорвать эту попытку. Смысла удерживать старую позицию уже не было. Если удастся предотвратить переправу, хорошо. Не удастся – тогда, не втягиваясь в затяжной бой, они отойдут, и никакие гульды не сумеют их настичь в этих лесах. Пусть переправляются: они подготовят им новый сюрприз, потом еще и еще, и так до тех пор, пока будет такая возможность. Если во фланг никого не отправят, тогда они сами ударят по гульдам, когда они вновь примутся за восстановление моста. Их дальнобойные карабины вполне позволяли проделать это, не подвергаясь особому риску.

На берегу они разыскали Куницу, который все время перемещался вдоль реки, высматривая возможное начало переправы. Доклад разведчика не мог не обрадовать. Оказывается, после взрыва моста он сумел подстеречь выехавшего к месту происшествия какого-то важного чина, судя по пышному мундиру, и свалить его. Не повезло и еще одному офицеру, который сразу же начал отдавать слишком много разных распоряжений. Это бывшему браконьеру отчего-то не понравилось, и он приласкал и его. Потом подстрелил еще парочку офицеров,

судя по всему, рангом пониже, и, укрываясь камышами, ушел подальше. Никто его не обнаружил, потому как к тому моменту все взоры были прикованы к отряду, засыпавшему своими снарядами гульдов.

Совсем скоро, после появления Волкова с парнями, удалось обнаружить чуть ли не роту врагов, которые весьма недвусмысленно готовились к переправе с использованием подручных средств. Вот при виде их-то и возрадовался Виктор. Часть солдат разместилась в укрытии, явно прикрывая остальных, занятых рубкой камыша, из которого быстро вязали плотики, чтобы погрузить на них амуницию, – самим им предстояло переправляться вплавь. На дворе, конечно, не лето, но вода вполне терпимая даже ночью, это Волков знал по собственному опыту. Этими парнями командовал, очевидно, не дурак, потому как ни один из офицеров не отсвечивал.

Отряд выдвинулся сюда налегке: не больно-то побегаешь, таская на себе по два карабина, паре пистолей и несколько гранат. Так что у каждого было только по штуцере, они все же куда точнее, а мало ли как все сложится. Еще имелось по паре пистолей, один из которых был заряжен холостым выстрелом. Благодаря небольшой насадке с его помощью вполне можно было метнуть надствольную гранату. Приятных ощущений от такой стрельбы мало, меткость тоже не ахти, но запустить гранату на расстояние полусотни метров с вполне приемлемой точностью возможно. Надствольных гранат было всего по одной штуке, ручных – по три. Виктор хотел максимально разгрузить людей, чтобы обеспечить большую мобильность.

Ну что ж, все на позиции, пора начинать. Не давать же гульдам возможности начать переправу, их взрыватели не так чувствительны, как в прежнем мире Волкова, так что польза будет, только если граната ударит по земле, а не упадет в воду, тогда она просто утонет, вот и вся недолга. Противника видно прекрасно, чего не скажешь о людях Виктора, обряженных в защитные балахоны и благодаря чему все еще остававшихся незамеченными.

Первый выстрел его. Перехватив двумя руками пистоль, которым специально дополнительно вооружился для этой цели, Волков выбрал примерный угол (уж лучше перелет, так хоть есть возможность, что кого-нибудь заденет осколками, от падения в воду толку никакого) и потянул спуск. Пистоль лягнулся, словно норовистая лошадь, отсушив руки. Неприятно, но вполне терпимо, и чувствительность осталась на уровне. Граната, описав пологую дугу, ударила примерно метрах в пяти от берега, остальные также взорвались вдали от кромки воды. Пара булькнула у камышей. Кто именно так опростоволосился, непонятно, но радуется уже то, что найти их на дне реки не смогут, берега тут довольно топкие.

Гульды заметались по берегу, оглашая окрестности криками. Прикрывающие их товарищи тут же начали стрелять по тем местам, где вился дымок. Ох уж этот местный порох! Вокруг тут же басовито зажужжали пули. Ладно. Пистоль – за пояс, карабин – в руки.

– Чего замер, йошки-матрешки! Стреляй! Они сейчас перезаряжаются.

А ты как думал дружок? Это тебе не безнаказанно расстреливать врага гранатами, здесь и до тебя могут добраться. Страшно? Понятно, что страшно, вот только никто тебя жалеть тут не собирается. Паренек из молодняка нервно сглотнул, потрянул головой и опасливо подался из-за ствола дерева, выставив карабин. Хотя какой молодой – поди лет двадцать пять, но то по годам, в этом деле возраст измеряется иначе. Как пить дать промажет. Но главное другое. Главное, чтобы он все же выстрелил в сторону противника, сумел перезарядиться и опять выстрелить. Ожидать многого от новобранца (даже от такого, который прошел столь мощную подготовку) в первом бою глупо. Хм. Попал. Ладно, пора и нам.

Карабин привычно уперся в плечо, Виктор повел стволом в сторону, выискивая цель. Нечего стрелять по прикрытию, они сейчас перезаряжаются, и многие попрятались, есть куда более легкая добыча. Он быстро нашел цель. В прорези прицела обозначилась спина бегущего солдата, затянута в синий мундир. Плавновыбрать спусковой крючок (порох на полке заго-

релся), подправить прицел. Солдат выгнулся дугой, схлопотав увесистый кусок свинца в спину, слегка обернулся вокруг оси и завалился на бок.

Все это Виктор наблюдает периферийным зрением. Руки привычно изготавливают оружие к бою, а взгляд выискивает следующую цель. Как все же действует сознание в боевой обстановке! То не видишь ничего: картина сужается до одного человека, и ты замечаешь лишь его, не обращая внимания на то, что творится вокруг. То словно наблюдаешь за происходящим со стороны, успевая охватить чуть ли не все поле боя.

Снова приклад упирается в плечо. Снова в прицеле чья-то спина. Еще немного, еще мгновение – и солдат юркнет за спасительные деревья. Не судьба. За деревья он падает словно подкошенный, явно схлопотав горячий гостинец. Оружие снова готово к стрельбе, но на открытом месте больше никого. На берегу лежат неподвижно или в корчах примерно с полсотни человек, может, и больше. Что же, совсем неплохо. Вот выглядывает из-за ствола дерева спина гульды: очевидно, тот перезаряжается и не замечает, что подставляется. Виктор целится в него. Прوماх. Пуля увязает в коре, но солдатик словно ничего не видит. Перезарядка, снова прицелиться, плавно выбрать спуск, подправить прицел. Солдата буквально выбрасывает из укрытия, но это уже не имеет значения, даже если он и не убит, то серьезно ранен, а раз так, то теперь неинтересен.

Все, открытых целей больше нет, все солдаты укрылись за стволами деревьев или складками местности. Проклятье! Нужно было использовать гранаты не сразу, а вот сейчас, чтобы доставать противника в укрытиях. С другой стороны, той эффективности, что была вначале, не было бы и в помине. Значит, нужно было ограничиться только одной ручной гранатой, а другие заменить надствольными. Ладно, опыт, как и половое бессилие, приходит с годами, в следующий раз будем умнее. Ага, а вот чья-то голова торчит. Погоди, не дергайся...

Ох и умен атаман! Это ж надо, два десятка уже сутки кружат трехтысячное войско и не дают ему сдвинуться с места. Вернее не давали: все указывает на то, что сегодня они все же таки продолжат свой поход, а что тут поделаешь. Нет, поделаться как раз кое-что еще можно, у атамана в загашнике еще что-нибудь найдется, вот только он сказывает, что негоже по мелочам пользоваться те заготовки.

Иное дело – стволы от минометов, больно неповоротливые и тяжелые. Их он решил использовать здесь. Конечно, лучше бы ударить картечью по плотному строю, тогда толку куда больше вышло бы, но и так тоже ничего получилось. Ночью тихонько подобрались шагов на полста к тем, кто работал на восстановлении моста. Гульды отчего-то решили, что ночью им сподручнее будет действовать, а может, просто время терять не захотели. Но это их дела, а они с братьями выставили снаряженные картечью стволы, отползли в сторонку да ка-ак жажнули. Ору было, просто жуть.

Весь лагерь всполошился, враг частой гребенкой прошелся по окрестностям. Нет, ну прям как дети! Кто же станет вас, остолопов, дожидаться. Как только запалили картечницы, Соболь вместе с Куницей тут же подались восвояси, от греха подальше. Скольких покосили, не понять, но, должно быть, немало, вон какую тьму народу понагнали на работы. После этого случая гульды выставили оцепление вокруг моста, причем по обоим берегам. Ну и бог с вами, никто вас тут трогать больше не собирается.

Гульды все же свели к берегу еще пару рот и сумели переправиться на другой берег. Не сказать, что это им задешево обошлось, но все же несколько рот они переправили и теперь крепко стояли лагерем на опушке, – это чтобы не повторилась прежняя история. Мост им был необходим, потому как обоз и пушки вплавь не переправишь, вот и охраняли. А ты поди поохраняй, коли враг, словно маленький комар, подкрадется тихонько, ужалит и снова убежит.

Соболь с Куницей, уже после того как набедокурили с картечницами и из духовушек расстреляли секрет, еще и поизгалялись. Взяли трупы, рассадили кружком, словно те разговаривают между собой. А что, шесть трупов с ранами от огненного боя, а выстрелов никто не слышал, вот и поди догадайся, что тут такое было. Настроение у солдат и без того не ахти, а как поглядят на такое дело, так и с опаской по сторонам смотреть будут. Оно и к лучшему, а брячиславцы еще чего удумают, чтобы эти аспиды от каждого шороха шарахались.

Соболь даже думать перестал, напряженно вслушиваясь в шум леса. Нет, не показалось, вот опять треснула ветка. Гульды, больше некому. О том, что могут обнаружить схрон, он не переживал, чай, не первый год в лесу, от зверя укрыться умеет, так чего от человека не спрятаться. Но всегда была возможность, что выйдут прямиком на яму и наступят на плетеную из веток крышку, а человеческий вес ей нипочем не выдержать. На этот случай укрытие вырыли не так далеко от дороги. А что, вполне разумно. Те, кто пойдет по дороге, не станут туда соваться, незачем, там только что прошло боковое охранение, которому, в свою очередь, нечего делать на обочине, потому как нужно обследовать широкую полосу леса, прилегающую к просеке.

Опять тишина. Ага, а вот и основной отряд. Выходит, гульды вновь в передовой дозор отправили драгун. Сначала Соболь различил топот копыт (чай, в яме сидит, где дрожь земли особо чувствуется), чуть позже послышались всхрапывания лошадей, бряканье упряжи, разговоры солдат. О чем говорят, не разобрать, хотя стараниями атамана гульдскую речь он вполне разбирал. Голоса не сказать что громкие, бубнеж какой-то, только и можно понять, что люди речь ведут. Еще немного, и наступает тишина. Пора.

Соболь аккуратно приподнял крышку и осмотрелся по сторонам. Никого. Всадники уже скрылись за поворотом дороги. Их все еще слышно, но уже не видно, потому как подлесок надежно укрывает их, а заодно и его самого. «Вы ни о чем не думайте, езжайте с богом, – ухмыльнулся про себя Соболь, – вас тоже встретят, только подальше, а мы здесь пока позаботимся о ваших товарищах». Бросив взгляд в сторону, где должен находиться схрон с Куницей, он удовлетворенно кивнул. Тот уже покинул свое укрытие и приступил к работе, стало быть, и ему пора.

Вытащив на свет божий картечницу, Соболь быстро прошел к намеченному дереву неподалеку от дороги. Снаряд тяжелый, но гораздо легче снаряженных минометных стволов, так что ничего страшного, управиться и одному не сложно. Уперев казенную часть в ствол (это чтобы придать большую силу картечи, так сказывал атаман), Соболь пристроился и глянул сквозь прорезанный вдоль ствола желобок, это вроде как прицел. Само собой, картечь разлетится так, что площадь большую займет, однако направление надо бы выдержать. А ну как чуть вверх, или вниз направить, или в сторону, тогда основной заряд мимо и пролетит, а этого не надо. Ствол он наводил не под прямым углом к дороге, а под острым, чтобы заряд прошел через дорогу как бы вдоль: тогда и больше народу заденет, и если вдруг какой разрыв между ротами будет, то все одно кого-нибудь да сразит. Ага, ствол чуть задран вверх, это ничего, вот так вот лопаткой пристукнем рогатину. Во-от, порядок.

Теперь зафиксировать тонкой веревкой, замаскировать – и потянули бечевочку, эвон Куница уж бежит со своим концом. Он свою картечницу устанавливал шагах в пятидесяти отсюда на другой стороне и выщеливал в том же направлении: это чтобы заряды не встретились, нечего по одному и тому же месту бить. А вот растяжку (экое слово мудреное, атаман прямо затейник!) соединят в одно целое, натянут поперек дороги, а уж опосля взведут колесцовые замки. Заденут ту бечевку – и оба заряда сработают одновременно. Теперь порядок, пора и честь знать, тем паче уж слышатся звуки, которые однозначно указывают на то, что походная колонна гульдов на подходе. Милости просим, гости дорогие.

Двое бывших браконьеров переглянулись, сияя лукавыми улыбками, шутливо отвесили земной поклон в сторону приближающегося врага и припустили во все лопатки, углубляясь все

дальше в лес. Все, что смогли, они сделали, а насколько хорошо, это уж оценят гульды. Атаман им строго-настрога наказал, не задерживаться, а сразу же уходить к месту сбора. Парни уже были примерно в четверти версты от места засады, когда услышали сдвоенный хлопок и крики, в интонациях которых были и боль, и гнев, и команды, – одним словом, чего там только не было. Затем начали раздаваться беспорядочные выстрелы. Знать, гостинец пришелся по вкусу, эвон как голосят. В очередной раз переглянувшись, они не стовариваясь сплунули под ноги, что у славен почиталось высшей степенью презрения, и продолжили свой путь. Ничего, лиха беда начало. Они еще покажут.

Виктор повозился, словно насадка, поудобнее устраиваясь в окопчике, немного поправил пучок травы под коленом: при длительном стоянии появляются весьма неприятные ощущения. Надо бы озаботиться наколенниками из твердой кожи с мягкой подкладкой. Почему бы и нет, если так уж сложилось, что то и дело приходится бухаться на колени. Перед лицом врага оно вроде как неприлично, но зато весьма полезно, и как мишень не выставляешься, да и для стрельбы позиция куда более удобная, чем из положения стоя.

За прошедший день они устроили несколько минных закладок на пути движения колонны гульдов. Волков очень надеялся, что все они сработали и осечек не случилось. Лучше бы противнику как можно дольше не понимать, что происходит и как именно славены подрывают мины. Как там обстоит дело с результативностью, предстояло еще выяснить, но он сильно надеялся, что дело обстоит неплохо. Всего было устроено четыре закладки по две мины, его стала пятой. В этом принимали участие только ветераны, у молодняка нервы натянуты как струны, так что могли случиться и ошибки. Парни сначала должны приобрести боевой опыт, чтобы их можно было отпускать в самостоятельный выход. Виктор не без оснований переживал за своих ребят. Все ли сумели избежать прямого столкновения с противником? Нет ли потерь? О себе думал гораздо меньше.

На этот раз целью засады является не колонна, а передовой дозор, рота драгун. Скорость его продвижения во многом определяет темп передвижения всей колонны. Раньше они их не трогали, так как необходимо было устроить несколько засад на основную колонну с целью нанесения максимальных потерь. Теперь пришла очередь этих. А то прут, словно им и сам черт не брат.

На данный момент отряд Виктора имел только четверых раненых, по счастью, ранения были легкими. Умению маскироваться и использовать любые укрытия уделялось при обучении большое внимание, и это дало плоды. Гульды понесли весьма большие потери, если не сказать огромные. Правда, до катастрофических отметка еще не дошла, чем Волков был откровенно недоволен. Противник оставил в Тихом множество раненых под присмотром пары десятков солдат. Возможно, туда же были отправлены и те, кто пострадал в результате диверсий, сколько-то они потеряли убитыми. Но колонна продолжала продвигаться в прежнем направлении, а это значит, что командующий корпусом все еще уверен в своем превосходстве.

Ага. Появились красавцы. Ну-ну. Интересно, сколько народу сейчас уже обошло его с боков. Сидя под крышкой из ветвей, он выглядывает через узкую щель, обнаружить которую снаружи будет весьма непросто, даже если знать об этом окопчике. Впереди движется дозор из десятка всадников. Примерно в ста шагах от них, в пределах видимости, – остальная рота. Грамотно идут, ничего не скажешь. Выждав, пока основная масса всадников войдет в сектор картечных, Виктор быстро потянул за оба шнурка двух мин. Можно было бы устроить засаду так же, как он приказал сделать парням, но он боялся, что передовой десяток может оказаться достаточно далеко от основного отряда и заряды сработают практически впустую. Как выяснилось, он был прав. Сначала сработала одна мина, потом выбралась слабина и дальнего заряда. Раздался еще взрыв. Крики, стоны, ржание, выстрелы – все это доносится из непроницаемого облака молочно-белого дыма, который в лесу рассеивается весьма неохотно. «Все ребятки, мне пора», – подумал Волков.

Он разом отбросил крышку и обернулся к тому десятку, что оказался у него в тылу. Заметили его практически сразу, драгуны уже развернулись. Раздалось несколько выстрелов. Волков тут же упал на дно окопа. С громким жужжанием пронеслось несколько пух. Вот ведь! Ничего похожего на характерный посвист в его мире. Здесь калибры куда солиднее и пение у вестниц смерти под стать им. Не высываясь из окопа, он метнул в направлении противника две гранаты и, когда они сработали, в мгновение ока выметнулся на поверхность.

Заряд в гранатах куда меньше, чем в картечках, поэтому не только звук разрыва уступает им, нет и того непроницаемого облака дыма, так, легкая дымка, которая если и ограничивает видимость, то незначительно. Он успел рассмотреть двух лошадей без седоков и еще одну дергающуюся на земле. Не зря гранатки улетели. Но долго думать над этим некогда, мгновение, да и то на ходу, вот и все, что он может себе позволить. Бегом, надо бегом. Тут недалеко, всего-то с версту. И эту версту нужно пробежать.

Как там было в фильме «Берегись автомобиля»? «Погоня. Какой же детективный сюжет обходится без нее...» Вот только Юрию Деточкину было куда проще: он был на колесах, и в него никто не стрелял. А тут легкие работают, как мехи, и не столько от того, что воздуха не хватает (уж что-что, а физическая форма у него на высоте), сколько из-за хлынувшей в кровь ударной дозы адреналина.

Вж-жью! Зараза, на этот раз прицелились совсем даже неплохо. Нет, ну нужно тебе это было?! Стало жалко попусту переводить заряд, который стоит не так чтобы дешево. Идиот! Жизнь человеческая куда дороже, а уж своя... Теперь затея, которую он считал вполне выполнимой, уже не казалась такой удачной. Стоп. Ругать себя потом будем, сейчас нужно сбить пыл этих гадов. Карабин уже давно в руках, вот эта коряга вполне подойдет.

Виктор с ходу перемахнул препятствие, резко затормозил и обернулся, бухнувшись на колени. Все же нужно будет озаботиться наколенниками. Ага, подумать тебе больше не о чем! Над головой вновь пролетела пуля. Достали. Вон он, дымок, а сквозь него прекрасно виден стрелявший. Адреналин бушует, как адское варево, сердце бухает о ребра как бешеное, но рука не дрожит, в груди закипает такая знакомая холодная ярость. Выстрел! Этот готов. Перезарядка, глаза сами выискивают следующего преследователя. Еще выстрел. Давно бы так. А то взяли моду бегать, словно тут вам и не война вовсе. Потеря двоих заставляет драгун искать прикрытие.

Давать здесь бой в его планы не входит, поэтому, убедившись, что прыть слегка сбавлена, Виктор, пригнувшись, дабы не отсвечивать лишний раз, побежал дальше. Не стоит забывать о том, что в лесу имеются еще и спешившиеся драгуны бокового охранения.

Бах! Бах! Бах! Вжью! Дурные мысли притягивают неприятности. На этот раз выстрелы звучат слева. Вот же гады! Быстро они подтянулись. Волков прижимается к большому вязу и отчетливо слышит, как в ствол ударяет пуля. А вот теперь он только рад тому, что здесь не знают бездымного пороха. В густом подлеске быстро заметить противников сложно, даже с учетом их ярких мундиров. А вот дымок, как маяк, указывает, где именно нужно искать противника. Два выстрела один за другим, стон раненого. Еще выстрел. Все, никто больше не отсвечивает. Бегом!

Перезарядиться некогда. Карабин за спину, кольты в руки. Движение справа, что там сзади – не рассмотреть. Вот олух! Они же решили, что он уже расстрелял все свои заряды. Ну сколько можно навьючить на себя оружия? Укрывшись за очередной корягой, Виктор вскинул оба револьвера. За прошедшее время он все же сумел поднатреть в стрельбе с обеих рук. Расстояние едва ли тридцать метров. Гульды бегут совершенно открыто. Сначала он бьет с правой руки, затем – с левой. Двое падают. Быстрая перезарядка. Еще один падает на землю. Следующий выстрел мимо, противник сообразил, что дело тут явно нечисто, и прячется. Может, решили, что здесь еще стрелки, а может, поняли, что имеют дело с весьма дорогим и редким магазинным оружием. Не суть. Обернуться назад и сделать еще пару выстрелов. Все. Ходу!

На большую поляну он выскочил уже с полностью разряженным оружием: перезарядиться никак не получалось, как и еще кого-нибудь подстрелить. Сбивая пыль преследователей, он израсходовал и последнюю пару гранат. Впустую, судя по тому, что никаких криков или стонов он так и не услышал. Все, дальше бежать уже опасно.

Отбежав от кромки леса примерно на тридцать шагов, он с ходу распластался на траве, немного проехавшись по ней брюхом. Едва остановившись, Волков тут же перевернулся на спину, выпростав пару ножей. Перезарядиться все так же некогда. Трава не очень высока, но ее достаточно, чтобы скрыться от взглядов преследователей, этому способствует и одежда, сливающаяся с местностью. Драгуны сообразили, что у их дичи все же вышли заряды, поэтому, развернувшись широким веером, они не скрываясь выбежали на открытое место.

Как всегда, залп не получился. Ударили вразнобой, с незначительными интервалами и накладывающимися друг на друга выстрелами. Вдогонку звучит еще несколько выстрелов. Тишина. Стрекот кузнечиков, жужжание насекомых: вот же паразиты, живут, словно ничего и не случилось! Вот птицы – это иное, мечутся в высоте и оглашают окрестности своими беспокойными голосами. Значит, несмотря ни на что, он не ошибся и вышел точно на подготовленную засаду. Интересно, все ли сумели вернуться?

- Атаман! Атаман.
- Чего тебе, Зван?
- Жив, что ли?
- И даже не ранен.

Виктор устало поднялся на ноги и встретился взглядом с парнем. Тот улыбался во все тридцать два зуба. Затею Виктора он не одобрял и пытался его отговорить, но тогда Волкову мысль показалась здоровой и оправданной. Сейчас он так уже не думал и мысленно клял себя на все лады, вот только внешне этого не показывал.

Глава 3

Битва за Обережную

– Я уж думал, ты мертв, как и парни твои, а ты эвон: грязный, помятый, усталый, но живой! – не скрывая облегчения, проговорил Градимир.

Вот поди пойми этого человека. То за горло берет так, что вздохнуть невозможно, да при этом еще и карами страшает, то переживает, как за родного. В том, что воевода искренне рад, Виктор не сомневался. Невооруженным глазом видно, что у воеводы словно камень с души упал: ведь понимал, что снова вынудил старого знакомого, коему не единожды животом обязан, рисковать жизнью в попытке воспрепятствовать подходу врага. И решил, что на этот раз задача и впрямь оказалась для Добролюба неподъемной. Не сказать, что Градимир сильно рассчитывал на удачу, но все же надеялся, иначе не вывел бы полки в поле навстречу противнику. Когда в назначенный срок посыльный от Добролюба не прибыл, воевода обругал себя за потерю хороших бойцов и их десятника в частности. Мысленно обругал, не посвящая в свои думы никого, но он был собой недоволен и переживал утрату. А тут...

– Милостью Отца Небесного мы со смертью пока разными дорогами ходим, – одарив присутствующих своей неподражаемой улыбкой, ответил Виктор.

При этом краем глаза он успел усмотреть, что заместитель воеводы недовольно скривился. Уж этот-то не стал бы огорчаться, коли бы ненавистный висельник погиб. И с чего взъелся на него? До женитьбы он его просто не любил. Оно и понятно: десятник напрямую подчиняется воеводе, остальные побоку. Но после свадьбы в Бояна словно бес вселился. Всякий раз искал повод, чтобы пнуть десятника, и за людьми его следил так, словно только и ждал, чтобы те оступились. Окажись на месте Бояна, допустим, подьячий из Звонграда, было бы понятно, – тот имел огромный зуб лично на Волкова. А этот-то с чего?

– Отчего гонца не прислал?

– Дак не вышла задумка.

– Ну и известил бы.

– К чему? Ведь решили же: коли гонец не явится, ты уведешь полки в Обережную. А мне там каждый человек был нужен. С каверзой ничего не вышло, но мы и так, честным оружием, сумели пустить кровушку врагу. – Говоря это, Виктор скосил взгляд на Бояна. «Ну-у, боярич, тебе не угодить, – подумал он. – Когда не по чести действуешь – плохо, ты недоволен. А когда честным оружием – кабы не еще хуже».

– Хорошо погуляли? – А вот Градимир доволен. Такое впечатление, что после того, как он увидел живого Добролюба, ему уже ничто не испортит настроения.

– Неплохо получилось. Мне так думается, что более трети полка мы либо поранили, либо на тот свет спровадили.

– И все это честным оружием? – Боян буквально сочился желчью. Нет, ну что ты будешь делать!

– Дак ить мы в атаку не хаживали. Там гранатку кинем, там стрельнем, там волчью яму устроим. Опять же чуть ли не половину ихнего пороха извели. Тайно пробрались в их лагерь и подорвали, но тут тоже все честь по чести, военной хитростью это деяние называется.

– Ты кто такой, чтобы о чести рассуждать?! – Вяткин-младший даже вскочил на ноги, вперив гневный взгляд в Добролюба. Да сколько можно?! Достал!

– Я тот, кто за обиду виру кровью берет, боярич. Уже брал и, если случится, снова возьму.

– Добролюб... – Ну вот, опять воевода вынужден встрять между этими двоими. Не следовало принимать доклад в присутствии Бояна, но не гнать же его в самом деле, тот уж здесь был, когда десятник заявился.

– Уж не угрожаешь ли ты мне? – вскинулся зять Градимира.

– И в мыслях не было, – тут же открестился десятник, чем удивил воеводу.

Вначале это был тот Добролюб, которого он знал. Сказал обидное слово – получи ответ, восхотел большего – получишь и больше. А тут... Что это? По всему выходит, он как бы уступает Бояну, на попятную идет и чуть ли не жалеет о резкости, что позволил себе. Чудны дела твои, Боже.

– А как же понять твои слова? – Никак не хочет униматься этот молокосос!

– Ты у гульдов поспрошай, боярич. Они тебе все доподлинно разъяснят, – устало вздохнув, проговорил десятник.

– Добролюб! Много на себя берешь.

– Опять казнить станешь, воевода? – Вот ведь. Уж во второй раз за последнее время он, кроме свирепости, что-то еще иное видит в лице этого зверя в человеческом обличье. Неужто не показалось и в страшном оскале видится горестная улыбка? – А давай. Чего уж. Подумаешь, висельник, что верой и правдой долг свой выполняет. Родня, она завсегда ближе будет. Вот заместитель твой тут про честь рассуждает, а по чести ли то, что он тут творит? Чего на меня глядишь? – кивнул десятник Бояну. – Нешто не вижу, что обозлить меня хочешь да под суд подвести?

– Да ты... Ты...

– Боян, охолопись, – вздохнув, остановил Градмир зятя. Тот, не находя слов, уже схватился за сабельку. – Что по гульдам? Правда то, что сказывал тут? – Это уже к Добролюбу.

– Все как есть правда, воевода, – отвернувшись и вперив взгляд в стену, устало ответил Виктор. – Если сегодня в чистое поле стрельцы обереженские выйдут, то ворога одолеют. Хотя бы потому, что огненных припасов ему неостанет для серьезного боя.

– Иди пока. Отдыхай.

Как только дверь за десятником закрылась, Градмир тут же бросил гневный взгляд на Бояна:

– Скажи, зятек, а коли Смеяну и Ратибора ворог пожег бы, что бы ты стал делать? Лить слезы и утирать сопли? Сомневаюсь. Потому как я в тебе мужа вижу. Так чего же ты набросился на того, кто поступает так же, как, случись, поступил бы ты?

– Он смерд и...

– Он воин, – резко перебил его тесть. – И многие в том уже успели убедиться. И в десятке у него настоящие воины, которые за пояс заткнут и наших стрельцов, и посадских. Не понимаешь. Ладно. Вот нас тут более двух тысяч, но не мы, а они, эти разбойничьи рожи, чуть ли не полк извели. Не тот воин, кто обличьем пригож и свои чистые помыслы напоказ выставляет, а тот, кто делом доказывает свое право носить такое звание. Даже если они в будущем палец о палец не ударят, неважно – им уже доказывать ничего не нужно. Вот только не будет этого, потому как и дальше впереди остальных будут. Я тебя уж не раз спрашивал, но на этот раз не выпущу из горницы, пока ответа не получу. Чем тебе насолил Добролюб?

– А отчего ты так его жалуешь? – с вызовом ответил Боян вопросом на вопрос.

– Стало быть, начинать нужно с меня. Будь по-твоему. Трижды я тому скомороху жизнью обязан, но ни разу он меня тем не попрекнул и не напомнил об услуге своей. В третий раз спас он не только меня, но и крепость от решительного приступа. Больше тысячи человек тогда в должниках у него оказались, а ему за это только подворье и восстановили. Ни почестей, ни наград. Вместо этого я лично его за глотку ухватил и определил на службу государеву, силком определил, но служит он не за страх, а за совесть.

– А что же ты дите, которое якобы его дочь, не отдал ему? Не для того ли, чтобы покрепче его привязать? Чтобы у него и мысли не было сбежать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.